

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ: СВЯТОЙ И ЧЕЛОВЕК

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ

НЕПРАВЕДНЫЕ МЫСЛИ О ПРАВЕДНОМ СВЯТОМ (Алексей Плужников)

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИСКУССИИ О ДНЕВНИКАХ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО (Егор Владимиров)

ВВЕДЕНИЕ

Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (19/31 октября 1829 — 20 декабря 1908/2 января 1909) известен как праведный Иоанн Кронштадтский — уникальный святой в истории Русской Церкви, трудно найти похожего на него в святцах. Из его житий известна в целом канва его биографии, его подвиги молитвы, уникального служения литургии, общих исповедей, на которых тысячи людей калялись вслух, его милостыня, которую он щедрой рукой раздавал десятилетиями тысячам нищих и бедных. Известны многочисленные и задокументированные чудеса исцелений больных по его молитве, его девственная жизнь с супругой, обличение Льва Толстого, вступление в «Союз русского народа» и многое другое — все то, что описывает неординарного кронштадтского подвижника.

Широко известна его книга «Моя жизнь во Христе», где он рассказывает о своей внутренней духовной жизни, борьбе со страстями, о свих падениях и восстаниях, об отношениях с Богом. Этим же темам посвящены и девятнадцатитомные дневники, изданные не так давно, уже менее известные читателям.

Мы полистали эти дневники и выбрали из них те цитаты, которые можно было бы назвать «житейскими». Бóльшая часть дневников посвящена духовной стороне жизни Иоанна Кронштадтского, но и есть немало других записей, которые приоткрывают завесу над тем, какой он был человек — не святой, а именно человек — в отношениях с близкими, в мыслях об общественной жизни и проч.

Целью нашей подборки не является какое-то желание «обличить» или «разоблачить» подвижника. Нет, мы лишь предлагаем взглянуть не на икону, а на человека — еще прежде того, как он стал «иконой». Именно крайняя

степень откровенности протоиерея Иоанна Ильича в дневниках позволяет уловить черты его психологического портрета — с помощью его собственных слов. К тому же это и штрихи к портрету той эпохи, в которой он жил.

Нам кажется, что это будет интересно читателям.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ

Том III. 1859–1860

Михаил Измаилович [Г...] с покойною твердостью, постоянством молитвы взирал к Богу и ни на кого не обращал внимания, будучи во время чтения молитв (сам читал) выше всех и повелевая всем. Странно, что один чиновник, стоявший сзади его и плюнувший во время молитвы на пол, выслушал с уважением его выговор и стал покойно впереди. Вот какое величие и какая повелительность духа в твердых верою людях!

Кронштадт – город мзды несправедливой, город пьянства, разврата, разбоя, картежной игры, город всех увеселений бесовских (управляющий, губернатор, секретарь Думы, стряпчий, архитектор, губернатор – не говоря о других)...

Если жена имеет причины подозревать меня в неискренности любви к ней, то Бог ли не будет испытывать меня в искренности любви к Нему?

Маминька – неприкосновенная святыня моя, к которой не должен прикасаться ни один несправедливый помысел, ни одно неприязненное чувство. Чти мать – вот характер всех моих отношений к ней: почтение в мыслях и в сердце, в словах и делах. Как к Богу, так и к матери имей почтение безусловное, мало того – благоговение всесердечное.

Маминьке моей подобает от меня абсолютное почтение!

Закрываю глаза и уши для всяких недостатков матери и знаю одно: что она – моя мать.

Маминька – святыня моя, божество мое, поколику она после Бога виновница бытия. К руке маминьки подходи, как к руке мощей святого, ничем не меньше.

Давши слово не раздражаться на жену, держи его. Господи, помози!

Смущение. Девица, встречаясь с любимым ею человеком, смущается; ненавидящий при встрече с ненавидимым – смущается; завистник – смущается; вообще преданный какой-либо страсти непременно смущается внутренно. Отчего? Оттого, что преданный страсти человек соединяется с дьяволом, а он чужд всякого мира.

Теснота и неопрятность моей квартиры – достойное возмездие мне от Бога за утеснение мое во утробе моей и за нечистоту сердца моего. Некоторые святые подвижники намеренно жили в тесных и душных кельях или пещерах.

Об онанизме. Какие жалкие люди – онанисты! Как жестоко издевается над ними враг. Они – всегда робкие, боязливые, трепещущие, внутренно смятенные. (После исповеди.)

Если огонь в правом боку – значит, дьявол вошел в сердце и жжет его; если в левом – значит, от чувств покаяния и сердечного сокрушения во грехе он на пути к выходу: входит правым, выходит левым боком.

Что мудреного, что бес скрывается в рукомоинике? И мы молили при Таинстве Крещения: да не утаится в купельной воде демон темный.

Нынешнее образование – не образование, а безобразие, потому что проникнуто совершенно духом мира, а не духом Господним, не духом веры и благочестия. Правда, есть Закон Божий, и хоть он поставлен в программе на первом месте, но на деле больше оказывается последним; и по причине [предзанятой] воспитанниками и воспитанницами любви к миру, и по причине растленности человеческой природы грехом – ему мало сочувствуют, а без сочувствия – что за польза от знания? Сочувствие вводит в

жизнь всякое знание. К этому прибавьте светские журналы, дышащие совершенно духом света, легкие, игривые, наполненные карикатурными примерами разных страстей человеческих, над которыми читающие любят только смеяться (вообще над другими любят посмеяться, а не заимствовать из них уроки для своей жизни, чему почти нет или совсем нет примеров), – и тогда судите, как ждать от общества духа христианского, духа спасения, духа церковности! Ни Христа, ни Креста там нет в сердце, только с виду.

Пред собранием многим Царскую фамилию перечисляй с лицом веселым и благодушно.

Чтобы научиться тебе любить как должно любящего Господа, научись прежде любить любящую жену свою: не раздражайся на нее и не оскорбляй ее.

У меня обедают свои, то есть братья моей жены. Я должен этому радоваться.

За границу уехал. Бывает часто, особенно в нынешнее время, что люди одного с нами отечества за границу уезжают и там живут и с тамошними людьми во общение и дружбу вступают, а своих соотечественников презирают и устно и письменно их бесчестят. Это зовут заграничную жизнью. Но эта заграничная жизнь называется так не в собственном смысле; в собственном же смысле надобно назвать заграничную ту жизнь, которая настанет для нас по разлучении души от тела, – вот по справедливости должна быть названа заграничною жизнью, потому что переходит за границу этого мира и этой жизни; в ней – все заграничное или чрезграничное, то есть совсем не то, что в этом мире: иной образ жизни, иные потребности, иные радости, иные скорби и мучения – все иное. Вот о той жизни нам следует заботиться: как бы нам отсюда – с земли, благополучно и с благими видами отправиться за границу этой жизни и там упокоиться на месте света и прохлаждения. А наши обыкновенные выезды за границу что иное бывают большею частию, как не средство к веселому препровождению времени, которого некуда праздным людям девать; а еще больше – как не средство к растрате накопленного богатства, для которого в своей благословенной стране нет места?

Бегайте курения табаку, особенно излишнего. Курение – прямо противоестественное дело. Уста даны вовсе не для того, чтобы есть ими дым. Дым не питателен, спросите хоть у кого угодно, и пищеварению не способствует. Дыхание существует у нас вовсе не для того, чтобы дышать дымом. Иное дело – обонять благоухание кадила или другие ароматические запахи. Табак, по признанию опытейших и умнейших медиков, решительно вреден для здоровья, особенно для слабых природ, притупляет душевные способности и всего человека делает слабым и недейтельным, малоспособным, а больше и совсем неспособным к важнейшим, требующим времени и усилий предприятиям.

Священный журнал – Пресвитер.

Ко всем состояниям жизни приспособлены журналы. Как проходить высокое, пастырское служение – нет журнала.

Т. IV. 1860–1861 гг.

Пироги — враги. Верно.

Деньги — пыль.

Не допускать явных пьяниц и прелюбодеев до причащения. Сделать перегородку для исповеди и поставить сторожа.

Не есть в скором времени после чаю и булки [опять] булки с чаем.

Братий принимай так, как будто бы они у тебя и жили, как свою плоть.

Отчего преданный чувственности, простой, грубый народ любит громогласное пение? Очень просто это решить: чем грубее душа, тем больше она подавлена житейскими страстями, тем сильнейших возбуждений требует она для своего пробуждения. Окаменелое сердце от громогласного пения размягчается, потрясается.

Бросить и совсем курить. Преосвященный Феофан грозил, когда курил я, а сам он был в язве от Бога и в печали, и в озлоблении о вверенной ему пастве. От табаку и ночь не спал.

Сам лакомишься – ничего, а другие – жалко и досадно. Чего себе, того и другому не жаль. Пренебреги всем снедомым, как гноем. Люби всех, как себя.

Чтение светских книг отдаляет от чтения духовных книг: там – дух мира, а здесь – Дух Божий, но одно другому противоположны. Потому весьма мало между людьми, читающими светские книги, таких, которые бы с удовольствием читали духовные. Большинство читает светские журналы и никогда не заглядывает в Библию или в Евангелие в частности. Хорошо, в ком благочестие глубоко укоренено: тот читает без вреда для души и светские книги, но не оставляет и духовных, и больше читает духовные, чем светские, особенно слово Божие. Как вредна для бессмертной души светская литература, говорит опыт каждого.

Журналистика есть сеть, ловушка диавольская, посредством которой он ловит христиан в вечную погибель (болтливостию) празднословием, многословием и пустословием. Всмотритесь, и увидите, что так. Жалки и журналисты, и их страстные читатели.

Еще я в Академии был тунеядец, потому что был ленив и едва не самый последний из студентов, бессловесен в классе и на экзаменах, однако же чудом Божией благодати благополучно кончил курс и получил отличное место. Между тем я так глуп, нерассудителен, скуп, что ныне не терплю людей, пользующихся часто даром моим столом. Неблагодарность пред Богом крайняя! Бессмыслие бесконечное!

Все, не имеющие брачного законного соития, ведайте и помните, что вам для сохранения своего тела в чистоте и целомудрии нужно осторожно, с рассмотрением употреблять пищу и питье, и именно в скоромное время

употреблять меньше питательной пищи: мяса, молока, яиц и пить вина, пива, а в постное – стараться или не есть свежей рыбы вкусной, или есть умеренно, и притом соленую: наше тело очень не много требует для поддержания его сил и здоровья, и если вы будете употреблять пищи и питья больше, чем сколько следует, то природа будет усиливаться извергнуть лишнее от себя чрез извержение семени; от того будет происходить раздражение половых органов и требование природы удовлетворить им, требование, которого вы виною будете сами. Не пейте много сладкого чаю и не кушайте много сладкого – это также влечет за собою извержение семени.

Почему Церковь часто молится о царском доме? Потому, что земной царский дом носит на себе образ небесного Царского Дома, содержащего всю тварь, – Бога Отца, Сына и Святого Духа.

Чтобы не впасть в руки алчного к деньгам врача, не будь скуп в раздавании милостыни бедным, будь щедр к своим и наблюдай строго умеренность в пище и питии.

Ты горд или сребролюбив – злая жена дана тебе для наказания, ибо Бог наказывает нас чрез наших же присных; так и жену Бог укрепляет в терпении и очищает грехи ее пьяным и буйным мужем, который понесет от Бога должное наказание своим грехам, и тем скорейшее и жесточайшее, чем он пьянственнее и жесточе к своей жене.

Много ли для христианина нужно? Немного. Мир Христов в сердце и уломок хлеба для желудка да воды стакан.

Об идолопоклонстве христиан. Фотографические портреты питают тщеславие и служат идолопоклонству.

У иного идол – одежда, у иного – пища, у иного – орден.

Припомнить разговор Петра Константиновича о блудницах, о жизни их, о раболепстве их мужчинам и содержательницам, о количестве их соитий в

один день, о скотоподобности их, о побудительных причинах, по коим они поступают в вольные дома: готовая пища, питье (вино, пиво, мед), нарядная одежда, мягкая постель, беззаботная жизнь; чужды они упования на Бога. Количество блудниц до трехсот. Как допускать их к Святым Тайнам? Причины, от которых распространяется блуд: советы докторов, их неправильные суждения о здоровье человека.

Если тебе легко приходят целые рубли, то не удивляйся и не жалея, если и от тебя уходят легко целые же рубли: по приходу как-то всегда бывает и расход. Не стоит приписывать большую цену тому, что легко приходит.

Если Бог судит быть протоиереем – позаботиться о том, чтобы на театрах и в цирках не было соблазнительных картин и зрелищ, особенно богов и богинь языческой мифологии; по сношению с гражданской властью воспретить на праздники и в самые праздники театры или, по крайней мере, сильнее говорить об них в церкви. Вообще, крепче озаботиться о нравственности народной. Помогите, Боже! Закрывать во время службы в воскресные дни питейные дома, лавки, воспрещать работы, чтобы святились дни Господни.

Лютеране – антибиблейсты: священства не имеют, которое ясно установил Сам Христос. Кроме того, надо припомнить, что сделал Господь с Дафаном и Авироном, восставшими на священство и дерзнувшими сравнивать с ним себя и всего Израиля!

Виды убийства, кроме обыкновенного убийства:

- 1) когда матери принимают разные детоубийственные составы, чтобы умертвить зародившегося младенца;
- 2) когда младенца, уже рожденного и крещенного, поят какими-нибудь убийственными составами, чтобы избавиться от забот и беспокойств и издержек; хотя храняй младенцы Господь и отнимает смертельность у пития, даваемого младенцу, но матери должны считаться убийцами, как совершившие уже убийство в намерении. Маловерные, отчаянные матери не надеются на Господа, Кормителя всех! 3) Когда не берегутся матери, имея в утробе младенцев; 4) когда рожденных отдают в воспитательный дом и

отказываются от них навсегда или подкидывают их к чужим домам; 5) когда просто чем-либо убивают их.

Соблазны: 1) когда мужчины или женщины возрастные соблазняют молодых девиц и отроков или юношей к незаконному соединению. Горе тому, через кого соблазны приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов...; 2) когда соблазняют к отступлению от веры православной в неправое исповедание или в раскол; 3) когда соблазняют к нарушению присяги или клятвы, к пренебрежению долгом христианским, например, исповедью, причащением или хождением к службе в праздничные дни, к пренебрежению общественною службою.

Пятая заповедь. Многие родители страдают от непочтения, оскорблений, бешенства и злобы своих детей. Вразумить.

У профессора Костомарова мать – простая баба, и он почтительнейший сын.

Том V. 1862 г.

Улучшение вещественного быта сопровождается мучением от лукавого, злобного, завистливого духа. Опыт. Даровая денежная прибыль – мучение; дареная одежда – мучение; исправленная, нарядная квартира – мучение.

Увы! Я впал в материализм, ибо скупец – материалист.

Сильно пострадал я сегодня за огорчение на диакона Петра Алекс. во время обедни за монотонное и растянутое чтение праздничного Евангелия и за усумнение в нахождении Господа в пречистой Его Крови. О! Как диавол теснил и палил меня. Проповедь едва говорил голосом страдальческим, голосом скорби и тесноты. Молебны едва служил – совсем расслабел. Какое нужно незлобие и снисхождение к немощам брата во время службы! А диавол вызывает на злобу из-за самого благовидного предлога.

Внимай: не люби больше жену свою, чем Господа. Например, если ты ради Господа сохраняешь пост, не решайся есть скоромное ради любезной просьбы жены; или, если ты решился не ужинать вечером или не пить чаю, не сядь за стол и не измени своему благочестивому намерению.

От употребления вина ноги болят. Опыт.

Реже в баню ходи. От бани толку мало. Расслабляет только. Впрочем, изредка полезно.

Не спать днем – великая польза. Прекрасный, здоровый сон ночью. И непродолжительный сон прекрасно восстанавливает силы.

Кисель овсяный с сытой варить. Фасоль, овсянку.

Том VI. 1864 г.

Дым не дыми, вода не плесни, пальцем меня не тронь, рукой не толкни, на ногу не наступи, панталоны до задницы не дотронься – вот какая нетерпеливая, гадкая плоть наша, или ветхий наш человек! Просто беда! Чуть не по нем что – раскапризничается, разозлится.

Чай раздражает внутренние нервы, он – большое пособие врага бесплотного.

Курящим табак, особенно детям, я не дал бы дышать свежим воздухом, не дал бы есть-пить дотолы, пока они будут курить: питайтесь, дескать, табаком, когда вы до него жадны, когда вы извратили природу. Да и чай распалает плоть и кровь и питает страсти.

4-е число октября достопамятно наигорьким искушением для меня. Венчал я три свадьбы с диаконом Петром Александровичем и во время первого венчания искусился его вялостью и неповоротливостью – огорчился на него и потому не мог докончить венчания свадьбы, то есть не мог выговаривать слов по причине препятствия засевшего в сердце сатаны. После венчания были крестины – их совершил непреткновенно, твердо, при народе, собравшемся для второй свадьбы. Я думал исправить свою погрешность исправным повенчанием второй и третьей свадеб, но мой брат Петр Александрович соблазнил меня опять своею вялостью, тупостью и неповоротливостью, и я совсем растерялся и смутился, не мог совершенно венчать, связанный сатаной по ребрам моим; третью свадьбу венчал также скверно: преткнулся в самом начале и не мог читать молитв; под самый конец явился некоторый дух умиления во мне, и я исправно кончил венчание. Вот теперь-то я познал сатану и его злобу, да и свое самолюбие и злобу. Зачем мне было огорчаться на вялость и неповоротливость брата

моего? Разве не может брат мой искушаться так же, как я? Разве не может бывать с ним замешательство, тупость и вялость, как и со мною? Он благочестивый человек, и враг его искушает так же, как и других благочестивых. Разве я сам без слабостей и преткновений? (...)

Всё считай за помои: вино, чай, кофе, сливки, молоко – всё, когда это предлагается человеку. Ибо кто человек? – Образ Божий. Для кого всё? – Для человека. Человек бесценен, а всё земное пред ним ничтожно.

Вчера (26 октября) враг смутил, омрачил и стеснил меня клеветой на сослужащего диакона Александра: показалось мне, что диакон может утаивать деньги из братской кружки по причине записи их в двух местах, а не в одном: в книжке и на листе бумаги. Как ядовита была эта клевета! Как мне было тесно, тяжело! Как я был посрамлен сам в себе! Даже до отчаяния в помиловании Божиим доходило! (...)

В баню как можно реже ходить, месяца через три, и то по требованию телесной нужды. Баня расслабляет. Кофе не пить: кофе раздражает нервы и душу.

Ужалил меня сегодня враг сребролюбием в бане (за тестя заплатил) и дома пиццелюбием (брат Константин за вечерним чаем). В какую тесноту, скорбь, омрачение, бессилие поверг он меня в тот и другой раз! Какими сетями опутал! (..)

Не зазнавайся с тестем. Помни его благодеяние тебе: дочь его (кормление, одевание ее, воспитание ее) – за тобою, тебе отдана, и с местом его. Теперь вы кормите его на месте его, одевайте его, покойте его, как он некогда беспокоился за всех.

Надо возобновлять время от времени ласки к супруге, иначе любовь может погаснуть. А ведь жену надо любить, как свое тело. (..)

Курить в моих комнатах – это хуже, чем мараться под себя в моем жилище, при моих глазах. Курящие табак недостойны дышать воздухом, ибо по безумию избрали для дыхания дым, которым ни одно животное не дышит, которого всякое животное отвращается, всякая птица, насекомое.

Не от вас ли, окаянные курильщики, не от вашего ли плотского самолюбия всепожирающего распространилось столько нищих? Не от вас ли, пожирающих дары Божии, многим нечего есть, пить, нечем одеться, нечем за квартиру заплатить? Не оттого ли, что вы пожигаете ни за что, для пустого удовольствия своей плоти дары Божии и не хотите делиться ими с нищими своими братьями, да еще и браните и преследуете их? Курение ваше делает вас язычниками, хуже язычников, – ни пища, ни питье, а самая нелепая прихоть курение табачное. Вы знать не хотите заповедей Христа Спасителя нашего о любви к ближним: да любите друг друга, ибо вы считаете должным любить только себя и презирать бедных. Взыщется с вас за эти сигары ваши, папиросы ваши, трубки ваши; смотрите, остерегитесь, не пришлось бы вам сгорать вечным огнем, как вы теперь жжете в зубах ваших папиросы ваши.
(..)

Как любит, ценит, уважает, ласкает меня неизменно жена моя, Богом данная мне подруга жизни! Так ли я люблю, уважаю, ласкаю ее?

Новая, хорошая скуфья едва сегодня не расстроила всей [молитвы]. О, какую бурю адскую воздвиг во мне сатана! Ужас, исчезновение, да и только! Теснота и скорбь крайние! А из-за чего вся беда? Из-за одного мгновенного жаления скуфьи, что дымится от дыму кадильного. Вот нелепость! Вот как убийственно и на мгновение пожалеть чего-либо земного во время богослужения. Так и дома: пожалеешь сластей для ближнего – и беда: теснота, мрак, зло, посрамление лица так и овладеют тобою!

Что причина нашей холодности к вере, к Церкви? Чувственные наслаждения – чай, кофе, табак, театр, игры в карты, в шахматы, в шары. Они сделали сердца людей грубыми, земными, как бы навозными червями, живущими в навозе. Они отбили людей от веры, от молитвы, от Церкви. А сердце (дух) просто: один очень приятный глоток сладкого питья может нарушить его равновесие, одна приятная струя табачного дыма.

Молоко есть блуд. Мясо тоже. Сласти – тоже.

Священник, служащий в соборе раннюю обедню, должен наблюдать в городе за тем, чтобы питейные дома и гостиница были заперты во время обедни и до обедни, и предписать всем содержателям этих домов и домохозяевам, чтоб наблюдали за этим. В церкви во время обедни поздней тот же священник наблюдает за порядком, чтоб не разговаривали, не смеялись, не ходили в неприличной одежде. Поставить из сторожей представительного наблюдателя, который, невзирая на лица, должен останавливать бесчинных.

Иереям, диаконам, чтецам внушать служить благоговейно, громко, отдельно, неторопливо. Буди! Не велеть мести в церкви пол между ранней и поздней обеднями: от пыли душно и тяжело для легких и всего человека.

Ветхозаветная история – фотография новозаветной.

Жена, не нежь мою плоть — злодейку, мерзавку – теплыми одеялами.

В хорошем, чистом подряснике не мыться, в нуж. место не ходить, не молиться дома.

Том VII. 1863–1864 гг.

Урчание есть прелесть вражия. Не обращать на нее внимания.

Всякий человек: православный христианин или неправославный – католик, лютеранин, англиканец, еврей, магометанин, даже идолопоклонник – есть ближний мой, есть я, и я должен любить его, должен уважать его и заботиться о его спасении, как о своем.

Синод взял ключ разумения, сам не входит в Царство Небесное и хотящим возбраняет, держит народ в ослеплении. Мысли одного светского человека. Правда ли?

И чрез фотографию враг занимает нас суетою и отвлекает от единого на потребу, и картами, и даже пищею и питьем, деньгами...

Ты желаешь камилавки бархатной, а какая была камилавка у Спасителя? – Терновый венец. Какие ордена были у апостолов? – Не золотые ордена, а стальные мечи, и мечи эти их обезглавили. Ты желаешь креста золотого? А какой крест был у Спасителя? – Деревянный, и на нем Он был распят. А ты хочешь украшаться да тщеславиться златым крестом! Какие кресты были у апостолов? – Деревянные, и на них они были распяты за то, что служили спасению людей день и ночь. Ох мы, окаянные грешники! На дела благочестия и самоотвержения ленивы, а хотим, чтоб нас за наши незначительные труды награждали. А не угодно ли вам, братья, получить за вашу службу, положим, весьма добросовестную и успешную, крест в собственном смысле, то есть неправду, лишения, оскорбления? Не угодно ли вам получить мзду многую на небесах за то, что вы не получите здесь награды за ваши богоугодные и полезные обществу дела? (..)

Когда услышишь от кого-либо отзывы о себе, что с женой не соединяешься, к жене не прилепляешься, говори: Мне прилепятся Богови благо есть.

Дома бывши уже, огорчился на жену, и опять уязвился уже после вечерней молитвы. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы! Я забыл эту заповедь Божию, Апостолом данную. В горечи сердца говорил с нею, грубо, нелюбовно, хладно – за ее любовь, ласки ко мне! Теснота в груди была, беспокойство. Приласкал ее, помирился с нею – и легко стало. Спал спокойно. А пред этим огорчился на то, что сахар крупно кто-то наколол, – и тоже уязвился, уранился. Но на вечерней молитве слезами отмыл этот грех. Лукавое сердце ко всему придирается, чтоб поссориться с ближними. Деньги с жадностию считал.

В Страстной Вторник я заметил одного офицера идущим в дом любодеяния. Хотел остановить его, но опоздал. Не постави мне, Господи, греха сего! А сего офицера вразуми и накажи. Чему только учились эти офицеры?

Во всех журналах и газетах, которых умножилось до невероятности много, дышит дух земной, антихристианский, богопротивный; между тем как христианин (в надежде) есть гражданин неба и должен мудрствовать о небесном. Языческая древняя письменность была, кажется, лучше и чище, возвышеннее по своему началу и побуждениям, чем письменность народов христианских (Пушкин). (..)

Неблагодарность к тестю за хлеб-соль и за всё, к этому старцу, отдавшему за тебя дочь свою, много и горячо тебя любящую, и место свое (хотя и по болезни) есть гордость пред ним, презрение его и неблагодарность пред ним. Чти отца твоего (ибо муж и жена – одна плоть, и отец ее есть твой отец)...

О проповедях, произносимых отцом Матфеем, старец Евтихий отозвался так, что он как сказки размазывает их, то есть лицемерно, и болел о нем.

Не говори: я священник, меня должны уважать, мне должны уступать, меня должны извинить, если что неладно скажу или сделаю. Нет. Ты уважь, ты уступи другим, ты извиняй, а сам всегда смиряйся и будь к себе самому как можно строг. Будь пред людьми как дитя кроткое, смиренное, незлобивое, уступчивое простодушное.

Старец Евтихий сокровенности женские узнаёт, тогда как я не подозревал. Мысли узнаёт самые беглые.

Сегодня (5 января) во время утрени был я совершенно непотребным сосудом Владыки по душе и телу: сердце занято было врагом, горло заложило, голосу не было, и служение было бессердечное, унылое, никуда не гоже, а всё от чего? – От чревоугодия и многоядения, и именно от сухарей со сливками, да еще от малинки. Истинно. Вот тебе и лакомься. Через лакомство соединяемся с дьяволом.

Брат Алексей изменился к худшему оттого, что не держит пост, да и все они.

Люби их, говорил старец Евтихий, свою-то собратию, – священников, зная мое сердце, что я их не очень люблю; давай им больше действовать – служить молебны, крестины, больных причащать и пр.

После крестин садятся играть в карты, и часто сам кум и кума. Вот и показать им, что они солгали, сказав: отрицаюсь сатаны и всех дел его, они тут же опровергают слова свои; сребролюбие, которое движет картежной игрою, есть дело диавола; праздность и рассеянность – тоже. Оправдания опровергать: я не картежник, говорят, по малой играю, а те картежники, которые помногу играют и ночи проигрывают. Этак, кажется, и грешников нет. Пред крестинами спрашивать (если в доме): будет ли комната сохранена в святости? Будут ли в ней делаться дела диавола? Если увидишь, например, играющих в карты в этой комнате, обличи, ссылаясь на их собственный разум и правила благоприличия даже светского.

Исполнийся Духом, а не чаем. (..)

Крепкий чай пить особенно много (стакана три-четыре и пять) – беда для священника: сильно раздражает нервы и Духа Святого изгоняет. Опыт.

Церковь. У диавола нет ли церкви? Есть: театр. Есть и свои священники – актеры.

Том VIII. 1865 г.

Согрешил пред Богом: на оленьем бегу вчера был, на горке катальной. Всё у нас богопротивное: и горы, и беги оленье и лошадиные, и музыка при горах, – а где занятие спасением души? Где забота о угождении Богу? Душа во грехах погибает, а спасти ее никто и не думает.

Жена моя и при истреблении мною сластей или чего-либо дорогого любит меня, – пусть же она употребляет сласти. А я жалею для ней сластей, да не употребляет их. Она ничего не жалеет для меня – и я должен также поступать. Притом Господь милует ее: она довольно здорова, – если бы была больна, то не больше ли гораздо вышло на лекарства?

Какой вред от фортепиано? – Оно отнимает время у душеполезных занятий, на нем убивается время. Например, теперь пост. Вместо того чтобы читать Священное Писание или творения святых отцов, христиане и христианки трещат что-либо на фортепиано, и уже никак не священное что-либо. Грех!

Жена моя любит меня, несмотря на мои грехи или покрывая их любовью, а я не люблю ее и гордо, презорливо смотрю на нее, окаянный, когда вижу особенную дебелисть лица ее, заключая из того, что она очень много ела и пила с жадностью. Сам и то же делаю и прощаю себе, и у Бога прошу прощения, а ей не прощаю и готов наказать ее за это. Что [же] за любовь взаимная? А еще глава жены.

Сегодня мы совещали с сестрой Анной Константиновной завести хор певчих в Соборе и украсить самый Собор, если Господь благословит жребием выигрыша в 35 тысяч. (..) Я с уверенностью в душе сказал Анне Константиновне, что Господь исполнит желание наше.

Погрозит жена неуважением, нелюбовию ко мне – презираю и ее неуважение, и нелюбовь. Это гордость и нелюбовь к жене. Господи! Помилуй мя.

Согрешил – пожалел людям (слугам) черной икры и толкнул жену, что много дает, и ее огорчил.

Согрешил – пожелал денег от исповедующегося офицера. Покаялся и помилован.

Высочайшие особы – образ Высочайшего Бога в Трех Лицах. Благоговей пред ними, выговаривай их имена с почтением и любовью. А то змий прегордый внушает, от привычки пренебрегать ими, небрежно произносить их.

О, как жестоко в воскресенье уловил меня враг 1) честолюбием, и 2) сребролюбием, и 3) в том и в другом случае – озлоблением и презорством.

Купец Филипп Степанов, взявши благословение, не поцеловал моей руки, и за это озлобился на него и презрел его, и молебна не мог служить; дьячок Василий Михайлович Ярославцев подал поминание во время обедни, и за то на него озлобился, как-де подавать поминание дьячку без денег, когда других, денежных поминаний довольно?

Военные офицеры да разные благородные люди – беззаконники-то и есть: они и вольнодумцы, и гордецы, не уважающие как должно ничего священного – ни царской власти, ни церковной. Против них-то и должно возвышать голос свой, как трубу, смело обличая их, молясь Богу громко, отдельно, перечисляя царский дом отдельно. О, картежники! На праздники не боятся и не стыдятся играть. Это у них обыкновенное дело, как будто так и должно быть.

Господь столы меновщиков опрокинул, а ты хоть карты игроков брось, когда видишь их играющими, особенно на праздник!

Боже мой! Как смутило, беспокоило, повергло в тесноту, скорбь, уничижение, уныние, мрак пожелание земной награды – камилавки, и какая-то зависть братии, получившей награды. Согрешил я, Господи, пред Тобою, в Немже вся моя награда.

Уху свежую есть хорошо. Язей хорошо кушать – легки.

Водочки рюмку пред обедом хорошо выпивать для пищеварения и даже вечером пред закускою – полрюмки. Укрепляет и бодряет.

Не служить обедни за городом соборне, а предоставить это кладбищенскому причту. Не обижать причта своим вмешательством и не вытеснять их. А то мы и здесь отпеваем покойников, и на кладбище. Оттого беды душевные мне приключаются. Бросить алчность к деньгам, ибо всё это делается из алчности к ним.

Том IX. 1865–1866 гг.

Не обременять памяти и вообще головы и сердца учащихся множеством задаваемых для изучения материалов: в противном случае они будут парализованы во всех своих силах и потеряют охоту (доброхотность) к

учению, а это – бич всякой науки. Наложите на лошадь тяжесть сверх сил – не повезет. (...) Немного давать, да заставляя самих размышлять, самих заставляя действовать умом и сердцем, волею или свободной силой. Сделай для пчел улей, поставь его на лугу – пчелы сами сделают ячейки, наносят в них меду, уложив его в правильные формы. Или заведи шелковичных червей, дай им шелковичное дерево – и они нарядят и наснут тебе шелку. То же и с детьми. Дайте им только повод к деятельности, толчок к развитию способностей, и они начнут работать, развиваться. Сочинениями упражнять, книги дельные давать читать.

В самом деле, тесть мой всё мне сдал: и место, и сан, и почет, и хлеб-соль, и деньги, и квартиру прекрасную, и отдал за меня дочь свою. В самом деле, всё, что я имею, это его, не мое: он заслужил это; он же уроженец здешний, а я – пришлец. Моего права на поступление к нему в дом, на дочь его и на поступление на это место было только то, что я окончил курс в Академии, хотя и то в числе последних. Но это был мне дар Божий великий, не заслуга моя: я удобно мог и не быть в Академии.

Равноправность людей помни и всякого человека почитай – нищего, подчиненного, слугу, родственника, с тобою живущего.

Послушание оказывай беспрекословное, скорое, охотное последнему из людей, каждому члену семейства. Не озлобляйся на требующих от тебя исполнения известного дела, хотя они и подручные твои и говорят повелительно. Брось дьявольское противление и непослушание. Любовь детски послушлива.

Сравнивайте наше богослужение шаг за шагом, все его молитвы, ектении, песнопения с лютеранским и англиканским, – как мало вы найдете общего между тем и другими: в тех [...] связь с миром духовным, с Церковью небесною, с Божией Матерью, Ангелами и святыми расторгнута, нет у лютеран и англикан ни одной молитвы, ни одной песни; с умершими связь всякая расторгнута, о них не молятся. В церкви сидят пред Богом, как в школе: нет в этом уважения к храму и идеи о храме. Пастор не имеет на себе, как в Православной Церкви, наружных знаков благодати Божией, которая вооружает православного священника с головы до ног и выражается

символически разными его облачениями и действиями его. Пастор – простой учитель в школе в траурной одежде, которую и должно носить им как памятник печального отпадения лютеран от Церкви. В храме нет у них трех отделений, напоминающих о трех коленах – небесном, земном и преисподнем, или хоть двух, напоминающих о двояком разделении верующих в первенствующей Церкви – на клир и народ.

Надо бы по-настоящему воспретить издание многих журналов светских и газет или указать им лучшее направление. Надо бы множество светских книг сжечь или в воду побросать, чтобы к ним не прилеплялись христиане и из-за них не отвращались от Евангелия и от богослужения церковного.

Объявить на совете ученикам, что пренебрежение к крестному знамени и поклонению Богу во время богослужения и домашних молитв будет считаться за преступление; 2) гувернерами сделать лица, принадлежащие к православному исповеданию и 3) внушить гувернерам, чтобы они строго наблюдали за соблюдением учениками этих священных обрядов веры; 4) виновных в несоблюдении обрядов веры подвергать взысканию, памятуя, что самое строгое, безотлагательное взыскание за это будет жертва, приятная Богу. Не будем терпеть, подобно ветхозаветному первосвященнику Илию, бесчиния детей наших в храме Божиим, да не погибнем и сами, подобно этому слабому отцу, да не погибнут и они за свое нерадение о священнейших обязанностях веры. Неблагодарные!

Слугу Екатерину почитай как мать, а Анну как сестру и всячески их люби и угождай им словом и делом. В самом деле, Екатерина – как мать, а Анна – как сестра: они служат, кормят, обмывают нас.

Сестра Анюта причислила тебя к лику братии, хотя ты ей вместо отца, – хорошо, спасибо ей за это. Она исполнила слово Спасителя: все же вы братия есте. Ибо Кормилец наш один – Господь Бог, Он один Отец наш, а все мы – братья и сестры. Священное имя брат, сестра. Как можно им гнушаться? А имени отца мы не стоим, ибо не имеем отеческих чувств. Господи! Помилуй мя, вот я с ужасом ощущаю, что належит мне прилежно помысл на лукавая от юности моей и не престаёт стужать мне каждый день, каждый час. Иссуши во мне источники зла.

Мы все любим чай, кофе: обратите внимания на эти напитки относительно христианской жизни. По закону плоти (греховному) чем больше мы пьем сладкого, особенно горячего чаю, тем душа наша должна более и более охлаждаться в любви к Богу и ближнему, если, разумеется, усердною молитвою мы не будем восстанавливать своей горячности к Богу и ближнему. Не так ли бывает на самом деле? Посмотрите, с распространением, с усилением потребности к чаю милостыня стала скуднее и реже – всякому нужно на чаек, сахарок, кофеек; извозчик, работник просят сверх должной платы прибавочки на что? – на чаек. У всех страсть к чаю, и тем хуже, что не считаем ее и за страсть, – о ближнем нет помину. Это я сказал для того, чтобы из этого примера видно было, как сильна страсть к чаю у всех, и как все хлопочут о пустом наслаждении плоти, а не о любви к Богу и ближнему, и как с усилением и умножением плотских потребностей упало у нас попечение о ближних. Отсюда необходимо умерять или и отсекают похоти плотские, каковы есть чай, табак, потребляющие столь много и нашей любви, энергии ее к Богу и ближнему, и наших денег трудовых или даровых.

Отчего иного не любит личность девственная? Оттого, что нелюбимый давно утратил свое девство, растлил себя, осквернил себя и осквернение свое, может быть, носит доселе в себе. Девственность, как бы чувствуя растление сердца и плоти недевственника, естественно его отвращается и в чувстве благородной гордости не поддается ему; видя его гордость, возвышает свое достоинство и не склоняет пред ним главы своей. У душ есть чутье. Растлившему себя надо смиряться пред всякою девственностью, особенно детей и девиц, и с уважением смотреть на них. (..)

Был у меня раб Божий Андрей Матвеевич Подосенов и говорил мне, между прочим, провидя мою немощь, что не должно иметь ни к чему пристрастия. Тогда как этого достигнем, какое будет в нас спокойствие, ничем не возмущаемое! А я пристрастен ко всем вещам -- и к пище, и питью, и к деньгам, и к отличиям, и к красоте телесной, и к породе, и к образованию, или образованным людям.

Зачем я сегодня обедал, когда мне не надо было обедать? Как мне было хорошо до обеда и как неловко после обеда!

Кто женат, тот обрати внимание на то, чтобы не во всем верить жене своей, как в начале Адам Еве, а следуй голосу разума своего, опыта своего и особенно евангельскому гласу Господа Бога, а то в противном случае жена как раз подсунет тебе что-либо вроде запрещенного плода, например предложит что-либо сладкое съесть-спить, когда не нужно, и это отяготит наше сердце и тело и запнет нас в деле нашем. Как многие мужья, согрешив, например, в излишестве пищи и питья, говорят себе: жена дала мне съесть, и я поел, – если бы не дала, то и не поел бы.

О, как велико растление моего сердца древним змием, как велико лукавство и гордость моя! Читая письмо Преосвященного митрополита Филарета к государю императору, я помыслил, что старец святой льстит, притворяется, и внутренне презрел его! Согрешил, Господи, помилуй мя!

О, как своенравен, зол и капризен я, когда служит со мною дьячок, особенно когда Орлов бывает дьячок! На минуту забылся он – беда; скоро поет, читает – беда; медленно – беда; забываю я свою немощь, общую немощь нашу. Сам хочу, чтоб мне угождали совершенно, а другим людям сам не умею сердечно угождать, наипаче Господу Богу.

Незлобие нищего мальчика: я выдрал его по жестокосердию за волосы, но он снес этот дерзкий поступок мой с незлобием и все-таки не отставал от меня, ласкался ко мне. Предлог выдрать за волосы был тот, что он подстрекал другого мальчика купить вина и пить. Научи меня, Господи, детскому незлобию.

Отчего я преткнулся сильно во время литургии 5-го августа? Оттого, что с вечера накануне воскресения поел неумеренно: выпил два стакана чаю с булочками овальными да тарелку щей с мясом съел, тогда как мне довольно было двух стаканов.

Дети духовные, например воспитанники, выше плотских детей, дороже.

Благодарю Тя, Господи, яко ныне за обедней и вечерней весь царский дом изглаголать свободно и небоязненно даровал еси.

Братья-шурины – свои, родные члены, своя плоть и кровь, – тем более надо их любить и беречь, ничего для них не жалеть насущного.

Тестя надо больше почитать, чем родного отца, ибо тот по природе родил, воспитал и всё делал тебе, а этот, быв чужой, полюбил тебя, отдал тебе дочь свою – бесценное сокровище, и место свое, и бережет тебя, как родного сына; а дочь его почитай как настоящую сестру свою, береги и люби ее от души.

Дома враг томит и смущает меня жадностью, скупостью, неискренностью и холодностью обращения с домашними; в храме раздражением на неисправность служащих, нелепым смущением и боязнью, хулой, лицемерием, немощью, [...], самомнением; в классе – лицезрением и уязвлением добротой телесною. Но о имени Господа моего Иисуса Христа побеждаю я козни его, и тогда особенно, когда я крепко и ясно убежден, что эти страсти – коварство врага.

Кто ведет себя беспорядочнее всех и дома, и в церкви, и в обществе? – Ученые люди. Кто безверы, вольнодумцы? – Ученые люди. Кто надменен, величав? – Ученый. Кто самолюбив больше всех? – Ученый.

В день рождения и тезоименитства моего. Радуйся, что Господь создал тебя не зверем, не скотом, не собакой, не кошкой, не рыбой, не птицей, не змеей, не насекомым, не червем, а человеком, и благодари Господа, Творца своего, да живи как человек, как созданный по образу и подобию Божию, как чадо Божие, предназначенное к вечному единению с Богом, как житель горнего, духовного, светоносного мира, а не как зверь, с зверскими свойствами, или как скот, с скотскими свойствами, или как змей – с змииными.

(..) От излишества в пище и питье бывают нечистые ночные грезы, семьяизвержения, осквернение ночное. Враг видит все внутренности наши, и,

если замечает, что в нас избыток семян жизни, он ищет употребить этот избыток в свою адскую пользу, ищет осквернить человека ночною грезой, – потому надо быть умеренным при употреблении сластей, сладкого чаю, масла коровьего, сливок, пирогов сладких и пр. Если в нас избыток семян от сладких веществ, принятых в пищу, он щекочет и разжигает нас к сластям плотским, к сладострастию; если много в нас горячего, например чаю, вина, – он разгорячает нашу плоть опять к тому же и пользуется всяким случаем ввергнуть нас в нечистоту; но если ели много холодного, охлаждает наше сердце к Богу и ближнему, – таким образом, всё, в излишестве принятое – и горячее, и холодное, и сладкое, употребляет к нашему вреду.

Грех непочтения и надмения пред отцом повергает меня в тесноту, скорбь, расслабление, унижение, немоту. Я должен почитать отца, несмотря на его немощи или недостатки, коих у меня не в пример больше, – да и не мне судить отца, а Богу, Судии всех. И как не почтить отца! После Бога чрез него всё пришло ко мне, всё я получил: и место его, и дочь его, и удобную квартиру, и посторонние должности, и имя. Благодарю Тебя, Господи.

Помни, что ты сын дьячка, сын бедных родителей, не отличавшийся особенным благочестием, и вот Господь возвысил тебя во священника градского. Смиряться пред Богом и людьми; смиряться пред отцом жены своей, протоиереем, и радуйся, что можешь угодить ему, послужить ему любимыми брашнами и питием, как Иаков или Исав, но не будь подобен Исаву по жадности своей к земным сластям и по небрежению о небесном первородстве.

Целую голову сахарную разом даром получаю, а ближнему жалею за раз на десять копеек. Такая привычка глупая составила!

(..) Неправильно, когда работают много одной головой без участия сердца, как это бывает в школах. И это и другое вредит человеку. Нужна во всем мера, гармония, соразмерность. Отчего либералы, изуверы, эгоисты, не сочувствующие ближнему, выходят из учебных заведений людьми, коих цель – жить для себя, для удовольствия, не для дела? Оттого, что они работали одной головой, без сердца; их сердце оставлено в небрежении, не согрето любовью к Богу и ближнему, потому что их пичкали одними

отвлеченностями, одними словами, а сердце их, или плоть их (ведь в них есть плотской и ветхий человек), – [ветхое] сердце растленное (на новое они и внимания не обращали) жаждет наслаждений, удовольствий, а ветхий ум их ветхого человека, как орудие дьявола, отрицает бытие Божие, основные начала общественной жизни, правила нравственности. Вот вам и воспитание, [...]. Это за ваше глупое воспитание, господа педагоги.

Вы, педагоги, уничтожившие телесные наказания для детей, имели в виду при уничтожении этой педагогической меры только достоинство человека природное, но забыли, что человек, и разумный и дитя, есть разумное, свободное существо, растленное грехом и непрестанно болящее этим нравственным растлением, и что против разлива этого растления необходимы наказания телесные: плоть – грешная, плоть пусть и мучится, терпя наказание. Наказанные здесь не потерпят наказания от Бога, если исправятся, а не наказанные здесь будут сильно наказаны там. Кроме того, наказанные в заведении ученики вынесут из него добрые правила жизни и избавятся от многих страстей и преткновений в жизни, которые горько наказывают человека, ибо нет хуже бичей, как бичи страстей и пороков: зло само себя наказывает ужасно, от этого-то зла педагоги должны предохранять юношество. Как бы балованные дети, изнеженные в школе, не откусили вам носы, господа мягкие педагоги, или не сломали себе сами шеи за ваше ложно гуманное или, лучше, по-русски, туманное воспитание.

7 ноября 1865 года в воскресенье от пресыщения накануне молоком с черным хлебом беды адовы окружили меня, теснота, скорбь, огонь, злоба на отца и домашних за сласти: зачем-де едят-пьют, когда я не ем, не пью, хотя есть-пить есть потребность, указанная Богом как воздух, и пищу с питьем подают Отец Небесный всем тварям, паче же людям? (..)

Благодарю Тебя, Господи, за благопоспешное служение литургии 7 ноября 1865 года. Царский дом проговорил не торопясь, весь; проповедь сказал хорошо. О Духе Святом.

(..) Благодарю Тебя, всеблагая Владычице, яко двукратно ныне явно спасла еси мя по молитве моей, утром и вечером, от смущения и боязни сатанинской и даровала еси спокойно проглаголати царский дом поименно весь на великой ектении. (..) 14 ноября. Утро. Благодарю Тебя, Господи, за

совершившееся десятилетие брачного сожития с женою моею, юже мне даровал еси.

Отчего мерзкой, окаянной, богопротивной плоти своей не попускаешь терпеть горечь, хотя бы от табаку отца, и оскорбляешь своим обидным, гневным замечанием отца своего – старца? Зачем его огорчаешь? Зачем любовь нарушаешь? (..) Отчего же ты мало ценишь, уважаешь отца? Что важнее особы отца? Ты согрешил – покайся. Еще скажи: зачем высоко ставишь свою плоть? Зачем угождаешь ей и ради угождения оскорбляешь особу отца? Если в самом деле [плоти вредное] он делает для тебя, скажи ему кротко, смиренно, ласково, без горечи, без озлобления, без намерения огорчить, унижить его в глазах других. (..) Отец в семействе – некий бог, царь, судия: священо имя его, права его, власть его, самим Богом данная ему, утвержденная за ним.

На нищих не озлобляйся: много ли тебе дал Бог нищих? А какие они незлобивые! Потрепlesh их за волосы и за уши – а они всё ласкаются и нимало не озлобляются. Это ангелы незлобивые. А нужда-то их, нужда! Если бы не она, стали бы они ходить за тобою? Терпи их, не чуждайся их. За тобою они ходят – пусть: это ангелы за тобою ходят.

Сколько между курящими табак есть людей, готовых на самоотвержение для пользы ближнего. Потому не осуждай курящих. Не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст. Внимай себе, о некурящий, – не хуже ли ты курящего? Если помышления злые исходят от сердца твоего: убийства, хулы – то это всё сильно сквернит человека. Держись всевозможно любви, святыни.

Почему Петру апостолу сказал Господь: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее, а не другому апостолу? Во-первых, потому, что он скорее всех озарился верою в Спасителя, во-вторых, потому, что он имел горячую любовь к Спасителю и, в-третьих, потому, что он был женат и ради Христа оставил жену свою. Супружество означает союз Христа с Церковью. А другие апостолы не имели до времени столь живой веры и были почти все девственники.

Жена моя сказала: надо домашних любить, беречь, ласкать прежде всего, а потом уже других; люби ближнего, как себя, прежде всего в своем доме, в этой малой церкви. Когда научишься любить и уважать домашних неизменно, тогда будешь любить и уважать и всякого человека.

Фортепиано — язычество, танцы тоже, театр тоже, картежная игра тоже, званые обеды тоже, журналы, романы светские тоже, светское гимназическое образование тоже, отсутствие постов тоже.

Внушить ученикам, что они не могут работать двум господам: Иисусу Христу Богу и Пушкину, Белинскому и пр. Премудрость мира сего буйство есть у Бога: то, чем восхищаетесь в творениях светских писателей, есть безумие и нечистота и гордыня мира сего пред Богом, [великим] Творцом, Господом и Судиею, и за всякое слово праздное Господь потребует отчета на Страшном Суде от ваших хваленых светских писателей. Да и в науках самых светских есть много лишнего, например, при изучении латинского языка вам читают языческих авторов, а не христианских писателей. (..)

Тяжкий грех содеял сегодня (21 января 1866 г.) пред Господом: бедную девочку за надоедание, как мне казалось, ударил в щеку, и в лице ее заушил Самого Господа, ибо как милостыню Он принимает от нас в лице нищих, так и дерзости наши. Господи! Помилуй мя, яко согреших Тебе – исцели душу мою!

Отец, протоиерей и старец – какие священные титулы и самое существо дела, по коему я должен чтить глубоко отца моего, Константина! а грехи – мечта, ничто.

Неумолимая нужда заставляет нищих быть нахальными в прошении милостыни. Ни рыбы, особенно сырой, ни мяса не ешь, а яйца и молоко. Хорошо кушать пироги со свежей капустой (и рыбой) и с сухой малиной. Клюквенный морс с чаем и черным хлебом хорошо.

Дачу за городом у Сидорова или по Поперечной аллее. Прекрасно – и близко, и свежий воздух. Макаронов, мяса, пирогов не есть. Кроме случаев крайней немощи, не есть скоромной пищи в пост. Можно даже вовсе не есть день, или немного черного хлеба. От нашего пресыщения от нас мертвечиной воняет и молитвы сердечной в нас нет, покаяния, слез нет, памятования о Страшном Суде [...].

Рыбы салаки не есть – ужасно раздражает. Мучнистой и жирной пищи (мозгов, жиру) не есть. Соленой (трески) не есть. [Орлова мало наградил. Лаврову за исповедь в церкви не дал.]

О сахаре, потребляемом своими или гостями, говори: это пыль земная (..).

Когда жена после обеда стала в присутствии сестры своей Анны говорить мне о том, чтобы я отдавал ей большую часть и гимназического жалования, а у себя имел самую малую часть, и сестра с сердцем стала настаивать на том и укорять в подаянии нищим – я не выдержал и рассердился на ту и другую, а они рассердились на меня. И я, чтоб не вышло большей вражды и ссоры, ушел из дома прогуляться. Но в душе помирился с ними, и потом, встретившись с ними на улице, ибо и они отправились гулять, я предложил им мир. И мы помирились.

Благодарю Тебя, Господи, за непреткновенное служение соборне литургии. За изглаголение царственных особ, заамвонной молитвы, причащение животворящих Тайн в огонь животворящий; впрочем, после лукавое сомнение отчасти омрачило мою душу – отмоет ли Господь Своею Кровию тяжкий грех мой, что я мальчика нищего с досадою толкнул и он упал? На молебне препобедил сомнение сие и умиротворился.

Кто для меня на свете дороже матери? – Никто. Потому, если на мать и много выходит того и другого – потерпи. Положи для нее всё, что можешь. Потерпи, снизойди к ее немощам.

Чем смелее, тем лучше. Вдруг мысленно выше всех стань в церкви при перечислении имен царской фамилии, как иерей Бога вышнего.

Согрешил я пред Тобою, Господи, прорекнув, обесчестив пред Александром Лебедевым отца протоиерея и старосту Михаила Дмитриевича Семенова, обозвав их ворами и похитителями церковного имущества и протоиерея – дудкою.

Благодарю Тебя, Господи, яко мне нынешний день (26 апреля) безгрешен даровал еси. Обедню отслужил по благодати Твоей добре, непреткновенно. Классы четвертый и шестой провел весьма хорошо; дома гостей принял и угостил хорошо, с сердечным расположением, верою в них как в членов Христовых.

Хочешь оказывать любовь ко Христу – оказывай ее Ему в лице домашних твоих – тестя, свояченицы, слуг твоих; люби, уважай их человеческое достоинство, мало того – почитай в них обоженное естество, членов Христовых.

Кто вооружается во мне против домашних, особенно когда они пьют чай при мне, но без меня? (..)

Говорят: духовенство – [задавленная среда]. Это только внешность: внутренность их цела – и, слава Богу, что они, как светские, не имеют рассуждения. Но светские, образованные, презирают духовно образованных. На каком основании? Как смеют? Для чего, когда хотят преобразовать наши учебные заведения в России, обращаются не к духовенству своей страны, а к светским педагогам иностранным, зачем презрели законных пастырей и учителей, которым по праву Божию принадлежит руководство юношества? Вот где причина разделения духовной среды с светскою. Светские, гордые своею внешностью, презирают бедное духовенство. Для чего ввели языческий классицизм?

О, как беснуется сластолюбием плоть моя! Очень сладкое блюдо сделала жена, и есть не хочу по злобе, зависти и скупости, предлагая ту причину, что блюдо сделано очень сладко, между тем как жалею большого расходования сластей, завидую сладкоядущим и озлобляюсь на жену, по опрометчивости вложившей в блюдо много сахара.

Один Христос для меня нужен, Он один – жизнь моя.

Согрешил – на отца тестя обиделся за неправоe, ложное против меня слово, а может быть и справедливое, но неприятное мне, будто я деру облачения церковные. И на мать озлобился за то, что мой кусочек белого хлеба взяла. О, безумие, о, зловоние страстей!

Всем так называемым благородным я должен показать пример, как надо почитать простую, необразованную, низкого состояния мать, целуя ее руку и благодаря ее за всё после Бога, а не должен я стыдиться ее за низость и грубость ее, ибо стыдиться надо гордости, а не смирения, не унижения.

Простые, необразованные люди – наиболее овцы, а так называемые светски образованные – наиболее козлища.

Господи! Благодарю Тя, яко услышал еси молитву мою, когда пришли ко мне нежданные гости из Рамбова и стеснилось сердце мое: Ты [усмирил] и умирил сердце мое и дал мне силу с радостью угостить их сладким кофе.

День моего Ангела 19 октября 1866 г.; не святыней души и тела, а мерзостью содомскою одарил я Тебя, Творче мой, Святе святых, – а все из-за чревоугодия, чревообъядения, из-за ядения мяса, молока, сливок и из-за похваления пред отцом Александром Лебедевым, что-де живу девственником, не то что ты.

Сестра моя Анна – целомудренная дева, по этому одному надо обращаться с нею всегда почтительно, извинять ей некоторую гордость или сознание своих достоинств; хранить сосуд девства, вообще беречь ее для Бога и ради того, что она – член семейства, уважать ее нравственное достоинство; не желать, чтобы она и подобные ей домашние служили нашим видам, сообразовались с нашим вкусом, потворствовали нашим страстям.

Моя жена – та же губернаторша, то есть так же досточтима, и я должен обращаться с нею так же с неизменным уважением; губернаторша тоже и свояченица и все свояченицы, а братья, сам отец – как губернаторы, то есть с таким же неизменным уважением я должен обращаться с ними, как с губернатором.

Облатки (опресноки). Как эти облатки сухи, так ваша церковь суха, безжизненна, чужда животворящей благодати Духа Святого. А наша – как просфора – полна жизни, животворна. Не есть пресного хлеба.

Наше юношество образуют большей частью не по-русски, а совсем на немецкую ногу и хотят сделать из него не русских, не православных христиан, а каких-то космополитов, индифферентистов, для которых всякая вера одинакова или для которых хоть не будь никакой веры, – образуют сынов мира, но не сынов Божиих, идеалистов и мечтателей, но не полезных слуг общества.

Прельщает меня белое (сахар, сливки), блестящее, мягкое, бело-румяное. Но всё это – земля.

Мария сидит у ног Спасителя, слушая слова Его? Или у ног Шекспира, Гоголя, Пушкина, Лермонтова и прочих?

Долговременною и честною службою прислуга моя заслужила вполне того, чтобы давать ей по три кусочка сахару на раз.

В дождливую пору или перед дождем надо меньше кушать пресной и сладкой пищи, булок, кренделей и пить пресного питья – чаю и употреблять пищу и питье кислые и соленые – например, черный хлеб, рыбу осетрину солевую или селедку, отчасти треску, квас.

Рыбы хорошо не есть для пользы душевной, ибо от рыбы много искушений – злобы, гордыни, блуда, расслабления.

Мяса не есть – возбуждает сладострастие. Много икры паюсной не есть – тоже худо; молока, сливок – тоже; чаю сладкого не пить – всё для целомудрия опасно. Помни, что очень приятно в устах, то будет сильно приятно щекотать и чресла.

Рукоблудник и отроконеистовый не любит искренно ни матери, ни жены, ни девиц, ни детей, ни вообще людей, только разве когда начнет изнурять свое тело и воздерживаться от сластей и многоядения и многопития. Вот отчего некоторые очень холодны к домашним и к прочим людям; они давно растлили свое сердце, расточили залого любви. Вот отчего они раздражительны, нетерпеливы, малодушны, робки, малословесны!

Том XI. 1866 г.

А чай внакладку никогда не пей: вред для души, сластолюбие, злоба, раздражительность, гордыня, презорство оттого.

Напрасно нападаешь на жену и свояченицу за то, что они читают светские книги: для них это невинное удовольствие. Что им делать? К духовным книгам нет вкуса, не развит, а больше делать нечего. [...] Ты [не закон], тебя дома не бывает.

Сахар-сливки.

Сласти, сахар и прочее — яд души, отчуждение от Бога и ближнего. Так и ноет от них внутренность.

Пей чай с сахаром: простой чай без сахару раздражает. И Иоанн Предтеча ел мед дикий. Иисус Христос и апостолы вкушали от пчел сот.

Будь хозяином в церкви. Посмотри, какими хозяевами бегают приказчики в лавках.

С светскими и военными людьми, с знатью надо ссориться – иначе нельзя: они совсем забылись. По головке гладить их, льстить им – большой грех. Явятся, пожалуй, мудри о себе, как и есть. Надо на каждом шагу доказывать

им, что они глупо ведут себя. Выдумали своеобразную, совершенно противуевангельскую жизнь. Сибариты, монголы.

Рыбы жареной в пост Великий не ешь, разве в праздники, и то за обедом. От рыбы сердце грубеет, толстеет, деревянеет, глухо или тупо к молитве, к слову Божию становится, для любви к ближнему. А после трудов исповеди можно для укрепления сил сырой семги поест с перцем, уксусом и лафитом.

Ты куришь табак – ты выкуриваешь веру, любовь, горячность к Богу и ближнему, а вкуриваешь диавола, который входит в сердце чрез похоти плотские: ты смеешься над этим, но это правда.

Кто у меня гостит? Мать. Как ей нужно угождать? Всё для ней полагать: всё имение, спокойствие, жизнь свою.

Если поставит меня Господь в протоиерея, надо отказаться от гимназии и заниматься составлением проповедей и разных сочинений: объяснить все Таинства подробно, все праздники, все службы, все молитвы, каноны и акафисты. Ветхозаветную историю составить.

Об исповеди. Ученик, чтобы усвоить себе урок и рассказать его основательно учителю, обыкновенно учит его, вдумывается в него, в содержание его, замечает в нем главные мысли и частные, даже выражения его; так, кто хочет искренно покаяться и исповедаться пред священником, должен изучить себя со всех сторон, вдуматься в себя, в свое душевное состояние, узнать все свои греховные расположения и страсти, грехи главные, или смертные, тяжкие, и не главные, второстепенные, не смертные, например празднословие, божбу и прочие, и самые малые, со всеми подробностями. Чтобы основательно изучить урок, нужен труд, усидчивость, непрестанное напряжение внимания при изучении; чтобы хорошенько покаяться, исповедаться пред духовным отцом, нужны также труд, постоянное напряжение внимания относительно души своей.

Не осуждай ядущую жену свою, мать, отца, или брата, или сестру свою: требование природы пусть удовлетворяют – это естественно, и ты делаешь то же.

Что ты, враже, смущаешь меня деньгами, опускаемыми в мою пользу духовными чадами-исповедниками? Велико ли, что я пожинаю телесное, сея духовное? Что ты меня теснишь, приковывая мое сердце к деньгам, внушая, чтоб их не украл кто-либо? Что меня морочишь? Зачем отторгаешь сердце мое от дела Божия? Или находишь меня земнолюбцем, сребролюбцем, а не боголюбцем? Господи! Исправи сердце мое и прилепи его к Тебе и к душам человеческим, которых нет ничего дороже на свете, за которые Ты изливал кровь Свою.

Мать моя для меня выше и дороже и честнее всех на этом свете (если она богобоязненна), потому что она моя мать.

В соборе исповедовал сначала мирно, но потом вскоре враг прокрался в сердце чрез опасение мое – не украли бы собравшиеся около сосуда с билетами и свечами деньги – и этим сильно уязвил и мучил меня во всю исповедь жалением сребра.

Мать моя, простая женщина, обладает простосердечием, которого я, ученый и священник, не имею. Она говорит мне простосердечно: здравствуй, дитяtko, прощай, дитяtko, благодарю, дитяtko, – а я не могу без насилия себя сказать: здравствуй, мамаша, прощай, мамаша, благодарю, мамаша; я одержим лукавством гордыни.

Целование руки – это свойственное родителям от детей. Так, священникам, как духовным отцам, целуют духовные дети руки. И это свойственно духовным отцам и чадам их. Честь эта восходит к Самому Богу, общему всех Отцу.

С охотою и ласково говори с домашними, отвечай на вопросы и сам спрашивай. Вообще иногда весьма полезно и нужно вести и поддерживать

разговор для того, чтобы отогнать от сердца злое уныние и суетную, то есть напрасную злобу на ближнего, гордыню, презорство. Мы словесные существа и должны иметь общение в слове.

Золотуха моя капризна, того-сего не любит: забурлит, на тошноту позывать станет. Она, между прочим, причина моего смутного и раздражительного характера.

И в сем вижу Твой Промысл, яко жену высокого целомудрия телесного мне даровал еси – не по делом моим, ибо я блудник от юности.

Т.ХII.1867 г.

Как легкомысленные женщины, мы гоняемся за цветами одежд. Камилавки, рясы, подрясники.

Окаянный, я предался смеху безумному, когда служил дома полугодовую литию заупокойную по тесте, теще и отце, и не мог выговаривать от лукавства сердца слова заупокойной ектении! Как сердце расслабело! Согреших, окаянный, безумный. Господи, помилуй мя. О, зловоние страстей! О, чай!

В духовной сладкой беседе провел я время у Марьи Арсеньевны (Кат. Петр. Над. Данил.) и у Евгении Федоровны Бритневой. Почаще бы так.

Надо иметь общение с людьми, ходить в гости: там домашние, почему-либо враждующие, сближаются, сдруживаются, бывают мягче, откровеннее; в гостях и жена, и свои все бывают любезны и любезнее.

Прислуга от тебя [не] видит благая и сладкая, а они такие же люди, хотят доброго и приятного. А ты, как хозяин, многообразные сладости вкушаешь. В продолжение десяти лет я иду против прислуги, да и против домашних в яствах и питье.

Когда я вносил часть вины своего пресыщения в Страстной Вторник на жену свою, подсунувшую мне после обеда молочной манной каши (я уже помолился и прошло с четверть часа после обеда), что она дала мне и я поел, то Он сказал: а где свой барометр? И этим ответом пристыдил меня. Поделом. У меня есть свой разум, своя воля, и я должен был рассудить, что после обеда по удовлетворении голода и насыщении мне не следовало больше есть, ибо еще есть было бы безрассудно и в тягость самому себе; я должен был сказать наотрез, что не хочу манной каши и не ставь ее пред меня, а не обольщаться сладким блюдом, тем более скоромным. Итак, я сам тяжко согрешил пред Богом, впавши в грех сластолюбия и объедения, и притом когда – на Страстной неделе, когда Церковью заповедуется строжайший пост, когда благочестивые христиане едят хлеб с водой однажды в день, иные совсем не едят два-три дня.

Овца. Я должен быть овцой.

Во время ранней обедни – величайшая, ужасная теснота, скорбь, исчезновение, хрипота в горле. Царский дом проговорил; пред пресуществлением Даров голос изменил едва не совсем; заамвонную молитву хорошо; молебен Владимирской Божией Матери хорошо, но всё теснота; молитва усердная ко Господу и Божией Матери спасла от тупика на молебне; молитву водосвятную прочитал сильно, в двух-трех местах пропустил несколько слов. Накануне студени телячьего с черным хлебом поел, а не надо было. О, невоздержание! О, животность!

Укрепленный благодатью Божиею, я разрушил вчера козни врага, внушившего петь светские песни; песни сии заменены были стройным и громогласным славословием Господа Бога и Пречистой Богородицы. (..)

Если твоя сестра Анна (по жене) бредит графами да князьями, не сердись на нее за видимую гордость. Ибо такой дух ее есть плод ее воспитания: у ней граф – крестный отец, она наслышалась от отца-матери, от братьев и сестер о жизни графов и жила среди графского семейства, она училась в заведении среди графских да княжеских дочек, она непрестанно читает книги о графах и князьях, о богатствах и роскошной жизни их, об удовольствиях и развлечениях их: возможно ли же ей иначе вести себя? Когда дерево

получало такое, а не другое какое надо направление еще в ранней юности и теперь укрепилось в нем, как его поправишь? Так и тебе должно смотреть сквозь пальцы на свояченицу, снисходительно и утешать себя тою мыслью, что деревья бывают разные, и гладкие, и шероховатые, прямые и кривые, сухие и сырые, валежник и на корню. Да и сам-то ты не прямое, а кривое дерево, сухое, а не сырое. (..)

Прости мне, Господи, что я в пяток, без крайней нужды вкушал мяско и масло. Но Ты видишь, Господи, внутреннюю болезнь мою, по причине которой я дерзаю нарушать пост. Я мню очищать злокачественную кровь мою и злокачественные соки тела молочною пищею, разбивать завалы желудка.

Сестра Аннушка служит для нас звеном мира: она прекрасно противится моему самолюбию, раздражительному, обидливому характеру, держит себя с сознанием своего достоинства и во благо мне же и ей и жене моей не дает себе наступить на ногу.

Анна Константиновна – добрая и великодушная девушка, это она доказала на Лисьем Носу: сама не выпила стакан отличного молока, но отдала мне, как брату Константину доброе варенье за обедом. Сама не ела, а брата посадила.

Высочайшие особы – земные боги.

Владыко! Молю Тя, примири мя протоиерею Павлу, настоятелю нашему, яко вражда ми на него бывает, внегода громко кричати ему во святом алтаре храма Твоего без нужды. Вразуми его, да с честью относится к святилищу Твоему и да не господствует над наследием Твоим, но да образ бывает стаду и братии. Дажь мне, Господи, терпение, незлобие, кротость, когда я буду видеть дела его, противные Тебе и людям.

Как дьявол искушает сильно людей и как просто! У московского митрополита пали лошади любимые! Любимый кучер (пристрастие к кучеру) оклеветал

ладыке эконома – иеромонаха ученого, умного. Митрополит строго выговорил ему, и иеромонах, коему предстояло быть скоро архимандритом, удавился! Какие пружины! Все трое введены в искушение чрез что? – Чрез животных бессловесных, которых дьявол убил по допущению Божию, да откроются от сердец помышления.

(Случай с отцом Матфеем: как он ярился, позванный в дом, как ругался и как вдруг успокоился и стал ласков, когда ему дали горсть серебра. Рассказ очевидца.)

Платон архиепископ пристраивал только родственников. Архиепископ Макарий согнал будто бы Леонтия, епископа Каменец-Подольского, с места, – и воладыках страсти!

Господи! Благодарю Тебя за очищение плотского движения от прикосновения и ласки к жене моей. 14 сентября 1867 г.

За удар рукою бедного мальчика-сироты, неотступно просившего милостыни, одолела меня скорбь и теснота, но по молитве покаяния сподобился от Господа милости, идучи к Параскеве Александровне Юденич служить всенощную. Всенощную служил громогласно, свободно; акафист мученице Параскеве читал торжественно, громогласным топом. Славный акафист!

Свадьбу венчал нехорошо, не развязно, не искренно, не смело, с боязнию, претыкался, Евангелие не дочитал: в моем сердце был злодей-враг, противник лютей! Отчего это случилось? Оттого, что лакомо поел и сверх меры, расслабил себя. А ведь от венчания зависит последующая жизнь супругов: как повенчал, так будут жить, ибо искренность, теплота, сила при чтении молитв низводят на брачующихся благословение Божие, а вялость, лицемерие, боязливость, пропуски слов лишают молодую чету некоторых даров Божиих, и за грехи священника лишаются благодати Божией брачующиеся. Потому выговаривай сердечно все слова молитв, смело, сильно вычекань их.

Братия соборная – отец протоиерей Павел и отец Матфей (не осуждая говорю), не подавая бедным, чрез то похищают или утаивают собственность их и дар Божий. Я могу из их доли или доходов подавать бедным невозбранно.

Суббота, в три с половиной часа пополудни на молитве дал обет Господу, что если выпадет мне по жребию 75 тысяч рублей, то 20 тысяч из них будут пожертвованы на митрополии Тирскую, Сидонскую и Дамасскую. Лиза и Анна Константиновна согласились.

Благодарю Тя, яко блуд мой очистил и отъял еси, когда плоть возбесновалась при виде фотографической карточки Анниной. Не злобою, так блудом, но тем или другим не перестает искушать сатана. До конца надо бороться. За то дается венец жизни.

Ради Бога и спасения души своей не есть мяса и коренной рыбы – трески, палтусины, семги, лососины и пр.; сметки употреблять в ухе, а ершей и окуней не есть.

Полезно употреблять за ужином водочки, селедочки, икорки черной с черным хлебом, только не перед ранней обедней.

Как можно меньше есть икры паюсной и семги – сильную эрекцию члена и поллюцию делают.

Нарушивши пост в пяток и [...] за вечерним чаем молока, чаю со сливками, белого хлеба с маслом, я думал в этом найти здоровье, а вышло не то: я не получил здоровья, хотя и ходил купаться и прогулялся довольно. А ведь для здоровья нарушал пост, убоявшись течи золотухи и раздражительности нервов. Храни пост, в нем спасение.

Говорят, что я во время проповеди качаю головой, что очень неприлично, особенно в камилавке.

Том XIII. 1867–1868 гг.

Разговор с английским пастором. Отзыв его о столпниках как о фанатиках и о монахах как о эгоистах, живущих только для себя, о иконах как идолах.

Разговор офицеров о жизни ксендзов: о их роскоши в пище и питье, о их сладострастии, о их зверстве.

Что это значит, что я сегодня во сне (18 числа февраля) говорил вдохновенную речь Государю и венчал его с Императрицей? Не молитвы ли мои это за них – венец для них? И Константин Николаевич говорил приветственную речь.

Будущему протоиерею надо будет обратить внимание на погибающих в расколе, на не бывающих долго у исповеди и святого причастия, на находящихся в бесчестных домах, на то, чтобы не было торговли в кабаках в воскресные и праздничные дни, обличать или уговаривать купцов и купчих бывать чаще в церкви и с детьми своими.

Сегодня я, окаянный самолюбец, раздражился и возмутился духом оттого, что жена, пожалевшая служанку Анисью, стиравшую два дня сряду, взяла от ней ряску мою, отданную ей для починки. Я обиделся крайне, что жена поступила наперекор мне и не дала мне поставить на своем, и не хотел с нею и с сестрою Анною говорить, когда они представляли мне, что прислуга очень утомлена.

Еще у брата Константина, живущего прелюбодейно, не должно ни есть, ни пить, по Апостолу: с таким даже и не есть вместе. А я ел и пил, и оттого, между прочим, подвергся тяжкому искушению во время богослужения. Каюсь, Господи! Увы мне! Я сделался участником в любодействе брата моего!

Урок от случая в Великий Пяток. Отец диакон поздно пришел к утрени, и я огорчился на него и оттого не мог читать с открытым сердцем 12-ть Евангелий; на первом спотыкался и пропускал некоторые слова, и на

некоторых прочих тоже. Отцу диакону заметил, чтобы приходил раньше. Всю утреню был я сам не свой. Только краткую сугубую ектению сказал хорошо.

Видел странника Никиту-веригоносца, на голом полу спящего. Просил у меня благословения читать с очками: ничего, говорит, не вижу.

Гость мой Алексей Ульянович рассказывал про бывшего министра Внутренних Дел Головнина (Александра Васильевича), что он был так кроток и незлобив, что никто и ничто не может огорчить или раздражить его. Крестьянам своим он послал однажды на крайнюю их нужду денег тысячу с лишком рублей. Они пропили эти деньги. Когда ему донесли об этом, он и слыша, как бы не слышал, и нимало не возмутился духом.

Сегодня согрешил ко Господу: разъярился на нищих детей, неотступно (конечно в нужде) просивших милостыни, и одного нарвал за волосы в сердцах, а другого за уши и ладонью ударил по голове (малого Лешу).

Я — херувим с пламенным мечом, охраняющий путь древа жизни — Пречистого Тела и Крови Христовой. Не допущу лютеранина, или католика, или реформата съесть плода сего древа, доколе он не отвергнет погрешности и неправости своего вероисповедания.

Что надо делать в России неотложно? — Ограничить продажу водки (известную меру на известные числа) и запретить ее продавать в дни воскресные и праздничные для простого народа. Запретить надо под строгим наказанием в случае нарушения запрещения. (..) И сколько умирает народу от вина! Сколько искалечивают себя вином нравственно и физически! Сколько сделалось жертвами вечного геенского огня из-за пьянства! Государю императору надо обратить особенное внимание на это зло. Иначе он ответит за невнимание на Страшном Суде пред Царем царей и не избежит строгого осуждения за нерадивое пастырство.

Скверная буря бесовская нашла на меня сегодня в пансионе Семгиной; нечистый огонь похоти внедрялся в членах моих: я смутился, срамота

покрыла лице мое, сердце, ум и уста обессилели для слова истины; нечистый подстрекал меня к нечистоте, делал мне насилие – я был сам не свой. (..) А все беды происходят от моего сластолюбия: от яиц, употребленных в пост, от коренной рыбы, от табаку (немножко покурил вчера вечером), от чаю сладкого, от мягкой, вкусной булки.

Выживал чрез меня враг тестя, а теперь выживает свояченицу. О, сатанинская злоба! Не пришлец ли я? Не принят ли я, не обласкан ли? Выживает протоиерея, отца Матфея, тогда как они здешние, а я – пришлец.

(..) Замечательно, что самый Алкоран, копируя несколько Евангелие, вводит пост в жизнь мусульман! Так он считается необходимым даже не у христиан! А Лютер превзошел и Магомета – совсем отбросил посты.

Не пить сладкого чаю, особенно поутру, ибо от этого происходит сильнейшая похоть при виде женщины, пришедшей к нам для беседы или для чего другого. С вечера тоже не пить сладкого чаю и особенно не ужинать по той же причине. (..) (Искушение по случаю прихода Бураковой для исповеди.)

Был у лейтенанта Михаила Васильевича и провел у него час-другой. Умный и добрый собеседник. Говорил о быте сельских священников, о том, как безотрадно поставлены священники во многих приходах, как они мало могут иметь влияния на народ: о средствах сделать священников влиятельными; посылать священников в села из Академии или из Семинарий – лучших, с хорошим обеспечением, как людей семейных; обложить прихожан оброком.

Исповедую милость, явленную мне Богом моим: во-первых, по молитве моей Он даровал мне совершить громогласно брак; от своего малодушия и лукавства сердца только четыре раза преткнулся – на словах обручается раба Божия Фекла и пр., смутившись от обнаженной слишком груди. (..)

Иногда я ярюсь на жену за то, что не оставляет дома ключ от буфета и мне не приходится напиться чаю в то время, когда я хочу.

На Рождество Пречистой Богородицы случился в Кронштадте пожар: сгорели дома Недоноскова, в которых жили развратные женщины, и Назаровой купчихи деревянный флигель, да и каменный дом ее повредило сильно. На день Пречистой Бог не потерпел нечистот человеческих и, как на Содом и Гоморру, низвел огонь с неба на дом разврата.

Заплетать волосы на ночь – скверно, весь болен делаюсь.

Мой разговор с отцом Гавриилом Рамбовским (Любимовым) о духовенстве белом и монашествующем (о материал, преоблад.), об ученых наших, о военных чинах, о том, что они не приносят пользы русскому народу и о прочих; о гимназиях и университетах, как они бесполезны для народа русского. Знать, говорил он, ни во что не верует: сами для себя боги и цари, не знают жизни в настоящем ее виде – не щади их, не раболепствуй: они враги Божии, воры.

Пива со сливками или молоком очень нехорошо пить (правда, испытано трижды): вредно для здоровья. Лучше придерживаться чаю, только пить немного – стакана два.

12-го числа июня в среду и в Петров пост употребил в пищу два яйца без нужды – каюсь в сем Господу. Женщины доселе – та же Ева-соблазнительница.

Какое зловоние издают от себя тела, питаемые рыбою, мясом, молоком, яйцами, и как лишены этого зловония тела постящиеся, употребляющие только растительную пищу!

Пожар в Кронштадте был как будто делом [...]: появилась вдруг какая-то женщина пьяная, просила вспоможения, а сама между тем выглядывала, где бы получше сделать поджог, и вот сделала поджог в доме [К.] и у лютеранской церкви. А я еще дал ей рубль!

Директор взыскал с меня за то, что я опаздываю в класс несколькими минутами по службе церковной или не могу вовсе быть в классе, и за беспорядки, делаемые учениками в мое отсутствие.

Кто наблюдает за преподаванием Закона Божия? – Сам директор или инспектор, а не гувернеры и не учителя других предметов или кто-либо из законоучителей.

Учителя и гувернеры превышают свою должность, суются не в свое дело, подглядывают, прислуживаются, наушничают.

Том XIV. 1868–1869 гг.

Ты испытал тысячекратно, как велика и животворна сладость богообщения, – зачем же ты еще мечтаешь на ложе о сласти женообщения? Зачем даешь волю воображению? Зачем эти картины? Или ты утыл, утолстел, расширил и забыл Бога, спасающего тебя?

Уничтожение духовного звания в России не есть ли дело иезуитов парижских или самого Наполеона III, приверженца клерикальной партии? Не поколеблется ли чрез это вера наша православная?.. Но, Господи, Ты бдиши над Православною Церковью! Царица Небесная! Ангелы Хранители, все святые! Вы бодрствуете над кивотом святого Православия!

15 января 1869. Сегодня служил соборно у Богоявления обедню с отцом Порфирием, отцом Матфеем, отцом Цветковым и отцом Феодором. В начале обедни и пред обедней был беспокоен – и вымолил у Господа спокойствие; доставшихся на мою долю царственных особ выговорил покойно. Но пред причастием, во время пения молитвы Отче наш, вероятно, диавол наустил меня позаботиться об исцелении от сребролюбия отца Матфея, хотя я и сам так же сребролюбив и жаден, и при пении молитвы Отче наш стал молить Отца Небесного об исцелении его от любостяжания и даровании ему чувства сострадания и милосердия к бедным и благоподатливости его. Куда, думал я, копит он не один десяток тысяч (окаянный я) – и позавидовал его богатству, и не возлюбил его, охладел к нему из-за любостяжания его, осудил его. (..)

Благодарю Господа, прилог содомской нечистоты от меня отгнавшего призыванием имени Его и воззрением к Нему очами сердечными и телесными. Это было в пятом классе сего 22-го января.

Какой ущерб вере и благочестию от поведения наших старших членов причта, особенно отца протоиерея, какое отвращение от Церкви! – высшее духовное начальство ничего не знает, а проказы всё более и более увеличиваются, охлаждение к вере и Церкви – тоже; что делать? Надо, наконец, дать знать хотя Преосвященному викарию, словесно или письмом, о всех крупных беспорядках. Дома он хорош, а в обществе – тормозит сильно и нерезонно.

Что мне выпало пред соборованием одной женщины? Священник, аще ищет злата или что ино, причастия ради (за причащение), да извержен, по 23-му правилу Трулльского собора. И поделом! А мы, грешные, не желаем ли вознаграждения и за труд напутствия больных? О! О! О! О!

Собайона делает меня собакой (лакомое блюдо из булки, изжаренной с яйцами, изюмом, сахаром, хересом).

Посты, говорят, не нужны. И не постятся: едят сплошь мясо; а от несоблюдения постов особенно воюет блудная страсть – и вот происходит частое осквернение тела блудом, и растлеваются храм Божий. Знают ли нарушители постов об этой связи между скромной пищей и нечистотою? Во всем верят докторам, а не Церкви и священникам. Доктор предпишет как рецепт совокупление для здоровья, и пациент должен слушать доктора – сделать намеренное нарушение заповеди Божией. А Церковь предписала бы такому пациенту пост и молитву с земными поклонами да лежание на голой земле.

Ночь с 12-го на 13-е июня после бытия в гостях у Н. А. Леопардова, курения сигары и питья крепкого чаю спал хорошо, только к утру в правой руке сделалась боль, как бы от паралича (я спал на правом боку), – боль очень сильная, так что я едва мог выпрямить ее от боли; думаю, что это от табаку и от крепкого чаю.

На детородные и другие стыдливые части должно обращать такое же умное око, или смотреть при случае с такою же простотою, чистотою и незазорностию, как и на уста, на уши и на прочие части тела, ибо все части равно сотворены Творцом Пречистым. Лукавые и нечистые, похотные взгляды – от диавола, учителя всякого лукавства и всякой нечистоты и мерзости. Есть люди, которые не могут без страсти смотреть на сосцы, – но это два источника млечные, которые всеблагой и премудрый Творец открыл в самой груди матерей и сделал мягкими и отвесными для того, чтобы младенец мог удобно сосать из них, как из губки, молоко нежными своими губками. Детородное отверстие, принимающее семя мужское и изнасящее плод чрева – человека, есть как бы отверстие недр земного, принимающего семя и изнасящего потом клас или другой плод; задние части, отвесные и круглые, подобны округлостям, примечаемым в древесных плодах, прекрасно устроенные и приспособленные к тому, чтобы скрыть безобразие нечистот, исходящих из чрева и дающих всему телу вид прекрасный и стройный. Они служат также подушками при сидении и не дают стираться скрытым внутри их костям таза.

Михайло Егорович (тот, который ходит к Ивану Афанасьевичу), по-видимому, есть фискал митрополита Петербургского. Во всех церквах он бывает, всюду ездит, наблюдает, о всех духовных лицах судит, всех знает. Хорошо митрополиту иметь такую живую газету: он про всех всё знает, чрез одного человека или [так] чрез нескольких. Можно и деньги хорошие платить таким людям.

Ездил за город к бедному комиссару – причастить его больную дочь; издержал сорок копеек извозчику. Господь за издержку не вознагражденную вознаградил в тот же день при провожании тела усопшего гимназиста (три рубля).

Был у отца диакона Петра Ал. Софронова на пироге именинном; водку и херес и портер пил – и дурно сделал: голова заболела, тяжело было. Вечерню служил с сердечным бессилием, претыкался, недоговаривал, пропускал слова.

По окончании брака, выходя из церкви, принял, по наваждению бесовскому, бесчестие с братиею от пьяного купца Александра Дмитриева, что мы ничтожные люди и без митрополита ничего не можем сделать. Да воздаст ему Господь за слугителей Своих, да научит не хулить сан священства, досточестный и для самих Ангелов. Квартальный [...] и многие другие были свидетелями.

Идол – женская головка: сколько заботы и труда над уборкою ея!

Жалоба Тимофея Александровича, майора отст[авного], на непокорность, дерзость, злость своих дочерей: две тарелки дочь разбила о голову отца, утюгом в голову ударила (старшая). Какие напасти! Какое непочтение! Так ли пятая заповедь исполняется?

От курения табаку много пожаров. Каков наш идол табачный? А Государь публично приказал везде курить и всем дозволил. Можно ли это?

Есть еще идол. Имя ему здоровье. Этому идолу приносится ежедневно много жертв. Для этого идола едят всё, что здорово, под предлогом здоровья; здорово курить – курят, спать много – спят много, гулять много – гуляют, блуд творить – блуд творят, вино пить – вино пьют, и всё для здоровья или под предлогом здоровья.

О идол неумолимый – здоровье! Сколько ты требуешь себе жертв! Лучше же быть нездоровым, нежели творить беззаконие для здоровья! Для здоровья иногда и в церковь не ходят: погода-де нехороша или дует ветер.

Многих я оттолкнул от себя гордостью своею, спесью, злобою, завистью своею. Прежде молились вместе со мною повечеру на ночь сестра моя и брат мой, а теперь перестали, видя злобу мою.

После обедни заходил к больному подполковнику Ивану Дмитриевичу Горемыкину и матери его Варваре Николаевне, погоревшей несколько недель назад. Разговор о существующем в Петербурге вольнодумстве: как

просили на бал пред Благовещением и на танцы и дерзости в отношении к иконе Благовещения, наказанной слепотою вольнодумца: «Для этой-то Госпожи не хотите ехать на бал», – вставши на стул и указывая пальцем на образ, сказал в дерзости вольнодумец; ослепление его вскоре. Жена вольнодумка: двое детей от мужа, любовник ее, ненависть к мужу; предложение дуэли мужу с любовником, слова ее: «Если он убьет тебя, я выйду за него замуж, если ты его – я убью себя»; дуэли не было. Отравилась ночью хлороформом. Любовник, услышавши, застрелился. Мать его, у которой он был единственный сын, умерла от испуга; кто дал пистолет, от страху умер. О безбожнике – молодом священнике: после обедни пригласили чай пить; пьет, но не ест; просят закусить – не закусывает, говорит, что сыт, наевшись... да не возглаголю его безумных речей...

На ночь не заплетать волос, тем более не помадить, – от этого икота была у меня за обедней.

Молоко очень возбуждает детородные части, потому или не употребляй его, или употребляй только за обедом и вечером по одному стакану, но не утром, особенно не после причастия.

Если крест наперсный выйдет, то раза три одеть его, а потом продать его в пользу нищих, а самому купить чрез месяц новый. (Лучше, что он стоит раздай бедным, а благословение Святейшего Синода удержи у себя и носи по установлению.)

Том XV. 1870–1871 гг.

С наперсным крестом в педагогический совет, в коем много курят и почтения кресту не воздают, не ходить; ходить с ним в храм, на требы, в дома благочестивых людей; в остальных случаях ходить с крестом [...], медалью.

Камилавка моя – шлем спасения.

Напрасно я ходил на Всероссийскую выставку мануфактурную и драл глаза (6 июня). Благодать Божию растратил, похоти очей удовлетворил, от горнего очи отвратил.

Имена Царствующего дома выговорил твердо, кроме Николая Николаевича и супруги его, – усумнился: внутреннее уважение слабо по причине слухов; а кто слаб, того надобно укреплять усиленною молитвою.

Примеры ужасного объедения: мужик в Псковской губернии взялся съесть целый хлеб, ржаной, самовар воды выпить и четверть водки. Съел, выпил; отошел полторы версты от селения – и издох. Отравление Клокачева Архангельской губернии – двойник императора Николая: от скопления газов у мертвого выпалил живот.

Укорил меня отец Матфей в том, что я раздаю как бы напоказ, публично милостыню, тогда как я необходимостью вынуждаюсь подавать ее всюду, по множеству нищих, встречающихся на каждом шагу, так сказать! О, если бы он знал о множестве бедных и, по крайней мере как я, стал оказывать об них попечение и творить им хоть такую скудную, как я, милостыню по долгу пастыря! Укорять-то, видно, легче! Да вразумит его Господь имиже весть судьбами и да научит расточать великие сокровища свои и принадлежащее бедным не удерживать у себя хищнически! Господи! К Тебе, Милосердому и Прещедрому, взываю! Услышь меня!

В Неделю Православия, вечером, в Кронштадтском театре даны были живые картины: плавающие, полуобнаженные наяды и подобное. О, мир прелюбодейный и грешный! Он вступает в борьбу – с кем?.. Со Спасителем, с Церковью... Что после этого женская красота?.. Дьявольская ловушка.

На ночь никогда не ешь никаких щей и супов, разумеется приготовленных поутру или до полудня и после того до двух часов, потому что они вредны, как перепаренные, и очень расслабляют нервы, делая человека, поевшего их, особенно с слабыми нервами, мнительным, раздражительным, злым, боязливым, малодушным. (Я это сам испытал на Второй неделе поста с пятницы на субботу, поевши после исповеди грибного супу на ночь. Вообще на ночь надо избегать еды и питья, разве только укрепляющее употреблять, например рюмку вина и чего-либо из соленой пищи, например селедки и прочего.)

Католичество и лютеранство – это язычество в христианстве по принципу. Плоды лютеранства – материализм и безбожие – хуже язычества.

Как постятся русские с состоянием женщины? Закупают рыбы коренной, варенья разного – малинового, смородинного, прованского масла, закусок и прочего, лакомятся, объедаются – и воображают, что они постятся. И смех и горе хозяину дома, принужденному видеть всю эту агонию брюшную.

К чему ведет чтение светских книг, особенно романов? К нечистой любви, разврату, охлаждению к вере и Церкви, к Евангелию и даже – увы! – к самоубийству. Один мировой судья застрелился, читая роман Виктора Гюго, – книга была разогнута на том месте, где говорит одно действующее лицо романа, что он лишний человек на свете. Мировой судья Клавдий Архипов (из Университета) страдал злою подозрительностью (обыкновенные козни дьявола), будто его все ненавидят, презирают, будто он лишний человек! Вот плоды неверия! Кончил курс в университете Петербургском. Нужно ли духовное воспитание ученым людям, нужно ли читать Евангелие, писания святых отцов, нужно ли ходить в церковь? Дадут ли романы врачевство против болезней душевных? Не врач ли душ – Христос, не спасительница ли – Церковь?.. Убийство случилось на Благовещение. Случаи самоубийства между благородными мужчинами и женщинами не редки даже в Кронштадте.

Очень резок и груб я в своих требованиях и угрозах! В нынешний день изжарили рыбу на скоромном масле, и я сказал, что впредь брошу ее в лицо, если еще в скоромном масле поджаришь, – за обман.

12-го мая 1870 г, во вторник (Неделя о самаряныне), в семь с половиною часов вечера получен мною золотой наперсный крест, от Святейшего Синода выдаваемый, чрез посредство собрата моего, священника штурманского училища отца Александра Алексеевича Лебедева, совершенно неожиданно, ибо я думал получить не раньше Троицына дня. Пили и закусывали на радости и просидели вместе до десяти часов.

Вчера разбиралось на суде дело о женщине Марфе Ивановой, нечаянно убившей одного солдата-ветреника, то есть пьяного и распутного, который с наглостью в ночное время пришел к дому одной замужней женщины и матери и требовал у ней дочери для распутства. Женщина ударила его ухватом и ненамеренно убила его – потому что чрез два дня наглый развратник умер. Женщину оправдали. Ныне Содом и Гоморра в Кронштадте, а всё из-за кабаков.

Третьего дня, то есть 14 мая, разбирали дело о другом убийце, молодом крестьянине Ярославской губернии Ростовского уезда, тоже ветренике, пропившем свои скудные пожитки и прожившем их с блудницами. Он убил чухонца – и за что же? За то, что тот не дал покурить трубки, а у него папиросы бывшие вышли, то есть выкурены. Парень был пьяный. Осужден в каторжную работу на вечное поселение в Сибирь. Замечай, что из-за трубки табаку человек убил человека.

Отчего моя злоба? От вчерашнего пресыщения и рюмки водки и курения табаку. Давно не курил, а вчера в шутку покурил, первее предложив Анастасии Васильевне Жуковской – гостье.

Отец Василий Салтыков (протоиерей Владимирской церкви) хвалился пред гостями и предо мною, что он с священниками ревельскими и инспектором семинарским Иосифом (ныне епископ Ковенский) выпили в пол-сутки двадцать четыре бутылки рому. Пред мирянами нехорошо этим хвалиться. Не добра похвала. Нечестивый хвалится похотью души своей. Положим, что это дружеская откровенность: но сказанное пьянство все-таки унижает духовный сан. А картежная игра с наперсным крестом?.. Не идет...

Если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет? – сказал Господь, неся крест Свой на Голгофу: то есть если Меня правда Божия предала на такие страдания за грехи мира, Меня, Праведника, то что будет с грешниками нераскаянными?.. Какой мукe они подвергнутся? (А отец Матфей, сослуживец мой, проповедовал в Великий Пяток, что нужды нет, что мы грешны: милосердие Божие всё покроет. Это ересь!)

Разговор на пароходе с немцем о распутстве в Петербурге и во многих других городах: брак, говорят, только формальность, можно жить с кем хочешь; принимают отраву для истребления плода; хвалятся своими похождениями, как подвигами. Многие у нас в городе живут в гражданском браке, то есть, не венчавшись, живут как муж и жена.

Обратить внимание гимназического начальства на ученика Модеста Данилова, на его проказы и нравственную заразу.

Сегодня я, как разбойник, ярился на жену внутренно за сообщение взаимного нашего неудовольствия сестре своей Анне и Григорию Ивановичу Цветкову. Если бы не стыд, я побил бы ее. (...) Опасно ласкать прислугу помимо жены: крепка, как смерть, ревность.

Доколе брат Константин не стал истреблять нещадно мои сласти (сахар), дотеле я говорил с ним мирно, смотрел на него с любовью; но когда стал их истреблять, я переменился к нему в чувствах, дух негодования и неприязни закипел во мне, и он точно не брат, а враг сделался мне, – такова сила пристрастия к сладостям! А между тем сам я сегодня же пил после всеобщей у купца Лебедева чай (вприкуску) и спросил вина, и мне принесли рублевого сотерну (шато-икем), коего я выпил две рюмки.

(..) Разве ты не знаешь, что Константин – предпоследний сын отца Константина и родился в то время, когда отец его любил особенно сласти? Естественно, что и сын их любит – истый отец в этом отношении. Снисходи ему.

(..) Пусть брат Константин поедает грехи Николая Григорьевича Сидорова – потому что его сахар истребляет; и не ревнуй ему, и благодари Бога, что не ты оный истребляешь. Меньше взыщется с тебя.

Сласть чресл и детородных удов и красота лиц женских дана для чадорождения, а не для наслаждения, как сладость пищи и питья для удобнейшего и охотного питания. Есть Красота Первообразная, духовная, преестественное и пречистое наслаждение которою уготовано верным и избранным в вечности. Наш долг – сохранить ненарушимо любовь к этой первоначальной красоте – Богу.

Согрешил пред Господом сего 10-го октября нетерпением и озлоблением на прислугу Анну, в нашем доме воспитанную, за ее неисправность, за ее неприветливость и противодействие: два раза с досадою вырвал за волосы, и когда на крик ее прибежала жена, и ей грозил ударом. Согрешил пред Господом, кротким, долготерпеливым и многомилостивым. Сколько ко мне Господь долготерпелив и многомилостив! А я сколь нетерпелив и немилостив! (Прислуга топить печек доселе не хочет порядком, и пакостит, кладя небрежно и тесно дрова, коптит дымом часто комнаты: за это я на нее разгневался сильно и возмутился.)

Сам не имея своих детей, послужи свояченице и чаду ее, рожденному у тебя, как своей жене и своему детищу или, паче, как Самому Христу и Его Рождшей, ибо все мы – Христовы. Жена моя, столь усердно служащая, с такою любовью, родильнице и младенцу, может быть, щедротами Божиими избавится мытарств воздушных: сорок дней должно послужить за сорок дней посмертного бытия, или шествия, по воздушным мытарствам.

Причастился неосужденно, в мир душевных сил; враг борол при призывании Святого Духа на Святые Дары, но надеянием на помощь Божию побежден. Поминование усопших совершено благополучно. (Доход от поздней обедни пятьдесят рублей, от ранней – девятнадцать. Больше прошлогоднего.)

Но дома случилась большая напасть и раздор – из-за неумеренной поливки цветочных горшков и поддонников, кои были полнехоньки и от коих вода стояла на подоконниках и на полу. Я вылил в отхожее место. На встретившуюся слугу Анну малотолковую пролил воды с подоконника; она закричала. Жена прибежала и начала ругаться; я терпел, и наконец вышел из себя и стал говорить ей неприятности, она – больше. Наконец я ушел из дому, чтоб избежать грехов больших. Ходил и плакал в парке Беллинсгаузена, просил у Господа мира и прощения; Господь умиротворил мятущееся сердце.

От брачных гостей Буракова я слышал сегодня о дерзновении протоиерея Полисадова в проповеди слова Божия, в коей он не щадит сильных мира сего

– разодетых графинь в декольте, с лакеями в ливреях, и обличает их нещадно, что они занимают много места наперед и оттесняют богомольцев (пример: карфагенские женщины). Многие жаловались на него митрополиту, но он не смотрел на это. Я должен подражать ему в смелости и не трепетать сильных мира сего, а смотреть на них, как на обыкновенных смертных.

Если отец протоиерей жалуется, что я отбил у него приход, то пусть сам всюду ходит, когда его зовут, и не посылает ко мне без крайней необходимости. Это достойно и праведно; пусть идет и к бедному, как к богатому.

Объяснился с отцом протоиереем касательно его записки ко мне, исполненной клеветы на меня. Оказалось, что он огорчен был моею запискою и находился в недоразумении касательно меня. Но он не был в сношении с отцом Матфеем и действовал единолично; напротив, на отца Матфея он в претензии. Вообще, он не так зол, как я думал: он смягчился и помирился, два раза обняв меня за талью. Я было погорячился. Можно было заметить, что вся горячка была из-за денег, и даровое сидение в суде как бельмо на глазу для него: крепко не благоволит к нему. Благодарение Господу, помилившему нас!

Два идола вместе: один хочет, чтоб его обожали, а другая, чтоб ее обожали. Это — двое влюбленных.

Вечером после класса зашел к купцу Ал. Дмитриевичу [...], выпил рюмку водки, хересу, шампанского и опьянел; пришел крестить к Ал. Арс. Естафьеву – и не мог читать; с трудом совершил Крещение.

Вечером, возвращаясь домой после дачи молитвы родильнице в доме Кашиной в подвале и после надела многих нищих милостынею, я встретил нескольких мальчиков нищих, из коих некоторые в другой раз приходили ко мне за милостынею, – я в сердцах бросил в нищего мальчика Филиппа епитрахилем (символом благодати), в коем был требник!

Бывши нынешний праздник Рождества Христова в Петербурге, я подвергся крайней опасности относительно здоровья и самой жизни. От большого хождения в центре Петербурга я получил золотушный простудный привал к горлу, и когда стал в одном доме (диакона Несвицкого) кушать за столом мясо, кусок остановился в горле, и я едва не подавился мякотью. С большим трудом и с болью я должен был пропускать потом даже пустой чай. После остановки в горле я вышел из-за стола и стал на четвереньках на пол – толку не было. Пригласили врача и впускали зонд в горло: вышел только маленький кусочек рябчика, больше ничего. В семинарии принимал рвотное от фельдшера, и после того пользы не было. Затем в Петербурге я дня три сильно мучился: день был как ночь, а ночь как день – такие страшные, беспокойные сны! Ни есть, ни пить почти ничего не мог: с большим трудом пропускал жидкость и промоченные крохи хлеба. Случилась это напасть 29 декабря. Домой отправился, по совету врача, 1 января 1871 года, в пятницу. Ехать было трудно. Дома пригласили доктора Вестера – успокоил словами, но от того было мне не легче. Ночь провел беспокойно. Сны пребеспокойные, адские, мучительные, бестолковые, хаос!.. Это после дороги! Следующие ночи – лучше и лучше! Теперь благодарю Господа, искусившего меня и спасшего от смерти! Наказан я достойно за свою жадность.

Что во мне развивает и развило золотуху в крайней мере, до того, что она душит меня, давит, в Питере? Между прочим, мне кажется, постная пища, не могущая давать таких здоровых соков, как скоромная: молоко, яйца, мясо и прочее. Больному золотухой, и в такой сильной мере, как я, надо употреблять пищу свежую, сочную, легкую, а такая пища есть скоромная.

Плотская любовь есть бич и уничтожение любви святой, Божественной; кто любит по плоти, тот первого попавшегося с неприятным почему-либо лицом человека невзлюбит совершенно ни за что ни про что и будет любить лишь тех, которые приятны лицом или доставляют ему удовольствие, пользу, которые любят его, благоприятствуют ему или не делают ему ничего неприятного и вредного, а о любви к врагам он и не помышляет: она выше его смысла, чувства и дела. Итак, плотская любовь суть бич, уничтожение любви Божией. Кроме того, что она исключительна, она близорука, слепа: не видит недостатков в любимом, а только совершенства плотские.

Какое зловоние человек издает, когда ест скоромную пищу, особенно мясо, но нет этого зловония от человека, вкушающего постную пищу, растительную; наконец, совсем нет зловония в человеке постнике и молитвеннике непрестанном: от него только благоухает святынею.

Много неприятностей было из-за отсылки служанки Февронии, потому что мы к ней душевно привязались за ее кротость, услужливость, предупредительность и, что скрывать, за ее благообразие! А эта привязанность могла вредить законной и естественной привязанности моей к жене. Потому отчасти она и отослала ее. (После обеда я сильно взволновался из-за отсылки Февронии и много горечи высказал жене.)

Благодарю Господа, устроившего благодатию Своею мир между мною и женою. Молились вместе вечером: я, жена, брат Алексей.

Чья любовь проявляется в любви моей жены ко мне? Любовь Христова. Бог есть любовь... всякий дар... исходит свыше. Благодарю Господа за любовь жены. Да возлюблю Господа паче всего, паче всей твари. Достоинно и праведно. Чья любовь в любви прихожан ко мне? Любовь Христова и действие Его. Чья любовь и во мне к духовным чадам моим? Христова, не моя.

В посты мяса не позволяй себе без нужды, но молоко и сливки для тебя, по болезненному, то есть золотушному твоему состоянию, необходимы, и безгрешно употреблять их. От постной пищи, и особенно постного чаю и кофе, упадают сильно нервы. (Пиво молока не заменит.)

29 июня 1870 г. со крестом в Петров день собрано: отец Матфей в Соборной части – восемьдесят один рубль, отец протоиерей в [...] – тридцать шесть рублей сорок копеек, мною, отцом Иоанном, тридцать пять рублей (а всех сорок рублей).

Том XVI. 1871–1872 гг.

Закоренелым пьяницам, блудникам и прелюбодеям на исповеди не доверяйся много, не полагайся на их вынужденное обещание исправиться и просьбу принять Святые Тайны, но не разрешай их и не допускай их до причастия Святых Таин, потому что многие тебя и Бога обманывали после

таких обещаний и после исповеди и причастия еще хуже жили, еще больше пьянствовали и блудили. Надо всеми мерами вести к исправлению грешников, а не потворствовать им скорым разрешением от грехов. Это ведет к беспутной жизни и изгоняет из сердец людей страх Божий.

Пресечь лихоимство и вымогательство дьячка Кутузова за обыски и другие письменные виды. За обыски вымогает по три рубли с бедных людей. Три рубли, говорит, давай – меньше нельзя. Это дневной грабеж. Надо вперед жениху говорить заблаговременно, когда принесет мне документы, сколько давать дьячку и сколько за брак.

NB. Наставник естественной истории в Кронштадтской гимназии проповедует в классах детям о самообразовании мира (1 мая 1871 г.). Заявить.

NB. Фотографические карточки мои Филимоновой и Высоцкой. 1 мая 1871.

Господь сподобил меня, неключимого, дивного о себе промышления, открыв одной страннице благочестивой предстояние по сторонам двух Ангелов светлых с мечами во время чтения мною Страстных Евангелий. Клятвою подтвердила это убогая и смиренная раба, что она действительно видела это.

3 марта. Нигилистка-гувернантка у купца Лукина, священническая дочь из Смольного. Как она развращала детей, как она говорила, что Бога нет, что брак – пустой обряд, что все равно – жить в браке или без брака мужчине и женщине и пр.

Не по любви Христовой поступил я сегодня, осуждая с горечью при разговоре с Александрой Марковной поведение житейское брата моего, отца иерея Григория и супруги его, а сестры моей по жене Анны Константиновны, что он виноват сам в своей болезни, обременительной для всех, и жена его, пичкавшая его всем наипитательным и жирным, а вина пить не дозволявшая ни единой рюмки, так что он сделался не в состоянии употреблять даже Святые Тайны. А прежде, до этих эксцентричностей, все было во здравие: и

со мной хересок пивал во славу Божию и в свое утешение! Господь да помилует нас!

Авдотья Гавриловна Александрова от благодати Божией, яже во мне, и от молитвы ко Отцу Небесному о исцелении её вчера вечером после ухода моего почувствовала облегчение и радость и сегодня чувствовала себя хорошо. Был у ней сегодня и пил чай с вареньем из клубники во славу Божию и в наслаждение грешного тела.

Господь непрестанно вот уже несколько лет (пятнадцать) чудесно умножает в руках моих хлебы, или деньги, раздаваемые нищим, так что и я с женою и с родными сыты с избытком, и нищим достаточно. И некоторые избытки есть. Надо помнить мне чудо насыщения Господом пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами. Оно повторяется со мною постоянно. Слава Богу!

Вчера и третьего дня, как и сегодня, понос, и по этому случаю не служил вечерни и всенощную служить отказался. Огорчение со стороны отца протоиерея и дьячка Кутузова. Ради поправления желудка я выпил рюмку коньяку: дьячок передал это протоиерею, а тот выговор прислал мне чрез мою прислугу, чтоб я меньше пил коньяку, как будто я пьяница. Бог да простит ему клевету его. Когда я был очень огорчен этим, Бог утешил меня искренним участием моих добрых знакомых Горемыкиных. Мать Варвара Николаевна Горемыкина прислала сына своего, подполковника артиллерии Ивана Дмитриевича с бутылкою сваренного с корицей и гвоздикой кагору с выражением глубокого соболезнования о моей немощи.

Во время благодарственного молебна на литургии меня сильно возмущал взгляд дьячка Кутузова – призор недобрых глаз, и я колебался – но вспомнил, что если во мне и со мною Христос, то кого мне бояться, что злоба, мятущая меня, есть приражение злого духа и произвол моего сердца, – я успокоился и прочитал без запинки благодарственную молитву Господу Иисусу Христу со Отцем и Святым Духом. Но в Сидорове и Степанове и Шebuнине что-то есть возмущающее, как в наших отцах Павле и Матфее: Господи! Призри на них и на меня, грешного!

Согрешил пред Богом: искусился во сне с женою чрез естество по действию диаволю! Это из-за вчерашнего чревоугодия и пирования с гостями! Вот тебе водочка! Вот тебе селедочка! Вот тебе сыр! Вот тебе сладкий чаек! Вот тебе сливочки! Вот тебе сласти! О, как я согрешил пред Богом, нераскаянный грешник! Вот тебе тепленькие одеяла! (..)

Отец Матфей притесняет бедных прихожан вымогательством денег. У него ли мало денег? Тысячи лежат без всякого движения. И не стыдится, не краснеет, не смущается лихоимствовать, иерей и протоиерей! Возмутительно! Господь отмстит вскоре. 23 мая жалобная записка на отца Матфея отцу протоиерею от досмотрщика.

Наука взимается на разум Божий, на Священное Писание и Священное Предание, отрицая откровенные истины и правила жизни, по которым спаслись и прославились святые Божии человеки; так она отрицает святое повествование о сотворении мира в шесть дней; так она отрицает посты, отвергает чудеса, отвергает монашество, называя его ненормальным явлением жизни, силится подорвать достоинство того, во что веровала Церковь в продолжение всех веков, например что Несторий, Евтихий, Пелагий были еретики, что, например, Димитрий царевич был действительно убит и мощи его именно почивают в известном месте, а не другого...

Не люблю таких гостей из своего рода, которые господами надо мною самим хотят жить у меня и вносят в мой дом свои правила, противные уставам Святой Православной Церкви, которые, например, весь пост едят мясную, яичную и молочную пищу, которые спят до десяти часов утра, при которых надо ходить на цыпочках, при которых весь дом ходенем ходит, точно царь в доме поселился. (Сам я не люблю никого обременять и не люблю, чтобы и меня обременяли. А все-таки при нелюбви должен терпеть и терплю ради Христа и понуждая себя к любви, чтобы не нарушить мир и не произвести ссоры.) И в своем доме я как в чужом, подчиняюсь чужому, женскому произволу. Но да взираю на все это бесстрастно ради любви Христовой, вся терпящей, и да простит мне Господь, нелюбовь мою и да исправит сердце мое в любовь ко всем. (..)

Недобра слава о моих гатчинских свояках: Анна Константиновна буянит в квартире своей: протоиерею – зачем-де часто ходит; Гурновы прогнали за распоряжение непрошеное в чужом доме. О мне трубила, что я боюсь её. Мать мою звала старой ведьмой вместе с Катериной. Бог да простит ей и да исправит всех нас, ибо все грешны. Но такую гостью вперед пускать к себе опасно. Не люблю, когда у меня в доме поднимают высоко голову.

Дьячок Василий Иванович показал послушание во время обедни – не пел медленно догматика, когда я просил. Это ему вред, не мне. Штрафу буду подвергать его за послушание и нерадение.

От государя дана народу русскому свобода, но свобода эта в [вину] плоти – плотская свобода, полная распущенность, свобода на все пороки. Горе русскому народу, горе и правительству от Правящего судьбами мира! – ибо не направляют народ на правый путь.

Сегодня разъярился я на нищих за то, что один из них, парень лет двадцати, пошел пропил мои деньги 40 копеек, данные на сапоги, и опять пришел ко мне просить. Из-за виноватого досталось невиноватому, нищему мальчику, которого в ярости ударил зонтиком по лицу. А сам пью вино почти каждый день и пресыщаюсь ежедневно – это ничего?! Ах я, окаянный! Согрешил пред Богом: я тысячекратно виновнее нищих, которые редко подвеселят себя вином с пожертвованием для него своею нуждою, а я часто.

Если жена оставила меня, да живу покойно, как монах.

(..) Что мне в жене, в этой плоти и крови, бывшей для меня столько раз соблазном и преткновением?.. Бог с нею: Он да судит ей за то, что она оставляет меня надолго, вот уже две недели!

Написать статью против тех, которые мечтают, что пора архиереям быть лицам белого духовенства, то есть женатым. Увы! До чего свет стал дерзок! До чего прострутся реформы?! До чего дойдет раскол?.. Или епископство есть рабство тлению, нечистоте, суете? Оставь дом, и жену, и чада... и будь Мой ученик.

...Я сознал, что туне все получал и получаю от Господа и потому не должен быть скупым относительно своих или чужих; вспомнил, что вчера я получил за небольшие труды свои (за служение пяти панихид и литургии с отпеванием) щедрое вознаграждение 10 рублей, да славленных со креста 50 рублей.

Протоиерей Словцов держит себя с важностию пред Санкт-Петербургским начальником Штаба Гейденом; честь ему, что поддерживает сан священства! Мне надо подражать ему; я подобострастен, раболепен пред высшими, смущаюсь не знаю чего всех присутствия, когда служу; то же и пред богатыми и учеными. Это нелепо. Исправиться.

Не упрекай жену, что в церковь редко ходит и что если бы ты знал вперед, что они будут убегать от храма, ты пошел бы в монахи. Это ты обижаешь жену. Молись о них Богу, да просветит их.

Благодарю Господа за благополучно совершенную исповедь: на исповеди было сто двадцать четыре человека, на прошлой неделе сто тридцать, на крестопоклонной двести тридцать. Было много наложниц, или незаконно сожительствующих, как и на тех неделях, – впрочем, не больше десяти лиц на этой неделе. Запутались в сетях врага.

Страстная Среда была для меня днем тяжелого страдания душевного и телесного из-за моего невоздержания и жадности: накануне я поел с аппетитом гречневой каши с маслом, в количестве, превосходящем потребность; вследствие этого ночью сделалась сильнейшая эрекция детородного члена – знак излишнего накопления жизненной влаги; по обычаю, я удержал её в себе и не дал воли блудному демону.

Утро. 5 часов. Вот тебе апельсин! Вот тебе треска вареная с множеством масла, вот тебе сливки и питье их, вот тебе черный хлеб с маслом, вот тебе крепкий чай и излишних две чашки! Вот тебе задержание поноса! Спина

болит, зубы на правой стороне болят, сон был беспокойный – весь точно расклеился! Согрешил пред Богом и пред собою!

Утро 20 апреля. От умеренности в пище и питье с вечера (два яйца густых и чай с булкой простой сухой да два апельсина) спал покойно, только пот несколько принимал.

От семги и икры паясной, съеденной на ночь, [...] и снятся блудные сны. (22 марта ночью со вторника на среду Крестопоклонной недели поста.) Не есть семги и икры в пост; вообще, избегать рыбы. Помогите, Боже!

Кутузов дьячок 28 декабря во вторник был пьян, кутил ночь, на панихиду в дом Байкова не пришел. За городом во время обедни прибавил хмельного и окончательно вздурел, лицо было совсем кислое – не мог петь литии. Зло надо пресекать и исправлять и употреблять меры строгости.

Злохитр и лжив диакон Петр Софронов, таков же и дьячок Василий Кутузов. Вот память об них! О, лукавство!

Диакон Петр Софронов и дьячок Кутузов – люди низкие, не стоит с ними церемониться и держать себя подальше, да заставлять их делать всё, как следует, сохраняя спокойную важность, отнюдь не горячась и не смущаясь их лукавством или простоволосием. Кутузову внушить, чтоб он вежлив был при входе ко мне в квартиру и при спросе меня у слуги моей, – относится неуважительно.

Н. Сидоров поупрямился показать диакону деньги, собранные по Успенской церкви, когда диакон пришел считать; то же делает и протоиерей... Но что-нибудь значит мое смирение и дерзновение веры, молитва.

Том XVII. 1872–1873 гг.

К славе благодати Божией, обновляющей меня. Спиридон [Недельнович] сказал мне сегодня (20 октября 1872 г.), что я на лицо очень молод, юноша. Это от причащения Святых Таин, от моего всегдашнего покаяния.

В горной части милостию Божией собрано мною с крестом животворящим (слава Кресту Господню – кроме бесчисленных благ духовных, еще и пищу с питьем и одежду нам подающему) в день святых апостолов Петра и Павла тридцать пять рублей (исключая нищенских), а протоиереем отцом Павлом в

той же части прошлый год собрано только 12 рублей. Ныне в соборной части 75 рублей, а отец Матфей – 58 рублей.

Крепкий чай очень вреден – еще опытно дознал в девятьсотый раз.

Был в гостях и с благотворительною целию у Василия Александровича Волкова и Фавсты Александровны, сестры его. Замечательный рассказ о современном богатом отце семейства, который дает возможность своим детям испытывать всяческие удовольствия мира сего и нимало не вселяет в них страха Божия, который кричит детям в праздник поутру: дети! не смейте сегодня ходить в церковь, погода нехороша, простудитесь, – и который вечером везет их в клуб или в театр. Зато сам сознавался, что дети его нисколько не любят и даже ненавидят. Отчего? Оттого, что превратно их воспитывает, портит, развращает их души. Рассказ про одного мецената, имевшего книгу, в которой написаны кощунства над святыми угодниками Божиими и выставлены смешные стороны простодушных суеверий наших мужиков. Что может быть (после этого) святого для таких ветреников? Какая духовная сфера их? Страшно подумать. Ах, в какой тлетворной, заразной атмосфере духовной живут воспитанники преимущественно высших светских учебных заведений! И после этого хотят еще соединить наши духовные академии с университетами! Да в ком же тогда будет у нас вера? Кто будут пастыри? Кто иерархи? Господи! Не допусти погибнуть вере в России! Возврати старый строй академического образования, святотатственно разрушенный современными умниками и ревнителями не по разуму. Не допусти всеобщего отступления.

Сегодня (7 мая) на пароходе точно манну с неба Господь послал мне в пользу бедных: один благочестивый купец, что против Собора торгует, сказал, что он после болезни сделался очень прост на деньги и готов давать всякому просящему. Я сказал: а если вы просты, то дайте нам в братство на бедных. Он сказал: я в братство не дам, а дам вам на ваше усмотрение: давайте кому хотите, хоть своим причетникам, между прочим. И потом ушел от меня. Скоро опять выходит, подходит ко мне и дает завернутое что-то в бумажке. Я думал, рублей двадцать, видно, откатил; потом любопытствую – роскошь! – 50-рублевка и несколько 25-рублевки! Слава Тебе, Боже, пославший мне в утешение это сокровище! Молиться Богу надо всегда за такого милостивого

дателя Ивана А... Дать свояченице вдове Анне Константиновне 25, дьячкам Кутузову и Андреянову по 5 рублей. Анне Андреевне Уваровой... в Веркольскую церковь.

Монах Афонский рассказывал: явившийся наяву бес говорил ему, что они давно бы убили государя, если бы за него не молились, и его, если бы на шее его не сидел бы Ангел. Сколь, значит, нужна непрерывная молитва Церкви за государя и как заботливо охраняет нас Ангел Хранитель.

Что я сегодня услышал, какую соблазнительную повесть о нищих, живущих в Кронштадте? Женщины молодые пьянствуют, развратничают за неимением дела, посылают детей для сбора подаяний, а принесенное ими пропивают; девочки в ранней юности лишаются целомудрия. (На купеческой стенке от одной женщины.) Проверь истину сказанного. Посмотри, беременна ли женщина, о коей говорено?.. А девочку бабушка городская освидетельствовать должна. Губернатору об этом. О, как нужен Рабочий дом и ремесленное училище. А нищие тоже пьянствуют многие.

Купец Герасим Мурашов – очень дерзкий человек; он сказал, что я не могу быть его наставником, потому что не имею детей. А как он держит своих детей! А как живет с женою! Не в осуждение, а на память скажу.

Благодарю Господа, сподобившего меня совершить соборное служение по усопшем рабе Божиим Иоанне Киселеве (парикмахере) и после горьких искушений и тревожений причаститься неосужденно Божественных Таин. На отпевании возглас сказал весь твердо с Божиею помощью. На поминках под конец, когда купец Сизов завел речь о Евтихии, к несчастью упавшем глубоко чрез пьянство, и протоиерей стал обвинять меня пред всеми, что я прежде знался с ним, считал его за святого и освободил из полиции, в которую он был взят по приказу отца протоиерея, я громко обличил его в собственных его падениях и вышел из-за стола не простившись.

Вечером в 10 часов крайне искусился и расстроился духом от того, что солдат грубо отказал мне пропустить меня на северный вал, исполняя свою службу и закон. Я вообразил, что это его каприз и неуважение к священнику; думал,

не раскольник ли он или не поляк, хотя и в таком случае противиться было не надо, тем менее обижаться. Я должен поучиться у солдата с твердостью держаться на службе, без малейшей боязни пред всеми сильными земли. Притом я должен вспомнить, что этот отказ часового мне есть возмездие мне праведное за отказ нищим в милостыне, которой они у меня усиленно просили.

Сорокин говорил про отца Порфирия Надпорожского, священника Омского полка, что он всюду по требам ходит и очень разжился, за то и зазнался – над уставами церковными смеется в компании офицеров. Но Бог смирит и взыщет за кощунство и за самое богатство, собранное туне, но туне не расточаемое, а сберегаемое. Говорил еще, что отцы соборные, кроме меня, ленивы на требы и горды: не ходят всюду, когда зовут, разумеется, к недостаточным людям, к иным вовсе не хотят идти, например петь панихиды и провожать умерших, – оттого прихожане и зовут больше священника чужого, именно Омского полка Порфирия.

Если я от одного стакана или от полуторах так неловко почувствовал себя, то как должна себя чувствовать моя свояченица Анна Константиновна и дочь ее Руфина! Мать никогда не ест постной пищи, а всё молоко, яйца и мясо и гнушается постною пищею! Дитяти боятся дать мякоти от ершей вареных или от окуня, ягодки постной не дадут; что будет с таким воспитанием? Господи! Суемудрие матери Анны исцели и понуди ее любить и кушать и постную пищу и дитя кормить иногда постною пищею, ибо это благо для души и тела.

Искушение было сильное касательно дьячка, не почивавшего дома и пришедшего поздно к обедне, и касательно диакона Ал. Ивановича Таратина, много харкавшего. Это казалось мне очень обидным, а потом – ничего, когда кончилась обедня. Всё надо сносить. А что патриарх Александрийский сносит!

Золотушные струпья мои на левой руке сошли от того, что я потер об них хлопчатую бумагу от мощей преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. Благодарю Господа за благодать и милость.

Господи! Соделай благопокорною Тебе рабу Твою Анну, живущую со мною, или отдели ее от меня, да не соблазняет меня всегда непокорство ее и своенравие; мне же даруй зрети моя прегрешения и не допусти, да вижу сучец во оце брата моего или сестры моей, а бревна во своем оце не вижу.

Даждь мне, Господи, мир с домашними моими! Даждь, Господи, жене моей Елисавете благопослушество мне, мужу ее, яко главе, да из послушания ее будет мир. Даждь сестре ее Анне благоразумие не отнимать у мужа жену, которую Ты сочетал ему, ибо это прискорбно в очах моих; пусть Анна, сестра ее и моя, будет довольна тем, что довольствуется даром, ничего не делая мне, помещением, столом, услугою и всеми вещами! Или дай мне радоваться о любви их, только да делают все дела домашние, да не сидят праздно.

На плоды, которые ты любишь, и на виноградное вино выходит едва ли не больше денег, чем на молоко, которое так любят жена твоя и сестра ее; правда, что они постоянно пьют молоко, не разбирая среды и пятницы и постов. Но зато у тебя собственно выходит немало денег на рясы и подрясники, а они теперь платьев почти не делают. Итак, помирись с этой стороны да плюнь на все земные потери и счета, разрушающие любовь христианскую, которая бесценна и бессмертна и Богу любезна.

Суждение мое о иеромонахе Евгении: он очень груб, любит вино, женщин, любит себя выхвалять, сам хвастал о непокорении своем игумену Дамаскину; вдобавок ругатель, назвал сволочью свояченицу Анну К. Цветкову за ее ответ ему, что не приведи Бог видеть больше такого монаха. Из-за этого – ссора, и мне досталось: зачем я не заступаюсь за обиженную, зачем не выгоню монаха вон? А как я гостя буду гнать? Лучше они должны были уклониться от него, а не задориться, не браниться.

Уважаю жену мою за ее неизменную любовь ко мне при всех превратностях семейной жизни. Жалею свояченицу Анну по причине ее характера, усвоенного из детства: презорства и неуживчивости с окружающими – всех выше и лучше она, никто с нею не равняйся, никто не смей ей сказать обидного слова: взыщу, говорит, строжайше, не разделаешься со мною – и митрополиту, и кому угодно.

Государь император за нас странствует, заботится, трудится, да мы, столь многий народ его, в благополучии почиваем. И как он нас награждает! Благодарны ли мы ему? Любим ли его от души? Молимся ли за него искренно? О, как много забот и дел у государя! Сколь он мало спит!

Злой ураган нашел на меня сегодня дома пред самой всенощной воскресной (напрасно и зашел домой – заперла меня жена, когда я торопился идти обратно). Я сам не свой был во время всенощной: расстроен, смущен. Едва-едва покаянием я пришел в полумирное состояние (не заходить было домой и не переменять креста!)

Благодарю Господа за вчерашний рубль иеромонаху Палладию, пославшего мне сегодня два рубля.

Из-за жены и свояченицы опять было сильное смущение: в комнатах душно, и форточек не дадут мне отворять при запертых дверях, противятся, не слушаются, горячатся, бранятся, злятся, поднимают высоко брови. Господи! Смири их и вразуми их, яко сильное смятение причиняют мне, слабому.

Господи Человеколюбче! Премного я согрешил пред Тобою в нынешний день, подав повод к домашней вражде отверстием форточек, за которое, как львицы разъяренные, бросились на меня жена моя и свояченица Анна К.; озлили они меня, Господи, озлобился я на них, разбранил жену мою, наибольшую виновницу вражды, и проклял ее, хотя после снял с нее проклятие, раскаявшись в слове. Господи! Ради имени Твоего претвори смятение в мир, злобу в благодать, неразумие в разум, упрямство в послушание. Но да не большее будет смятение впредь. Из-за весьма нужной вещи – свежего воздуха, изжени, Господи, рабу Анну с чадами из покоища моего и даждь ей [в мире] отдельное жительство, как Агари и Измаилу, ибо вижу, что ради их мира не будет в доме.

После классов пришел было на обед к Назаровой на поминки и глубоко огорчен был своею братиею напрасными, неосновательными, ложными упреками в подаче милостыни, что я будто подаю только мошенникам и распложая их в городе, что вся милостыня моя гроша медного не стоит

(священник Василий Чернявский), что они должны обличить меня в неправильной подаче, чтобы я исправился. Отец Матфей говорил публично, что мальчик и девочка обнимались и целовались (нищие). Протоиерей подтвердил, что еще чище бывает нечто, – словом, сказали все единогласно, что я потворствую тунеядству и разврату. Я сказал наконец, что я перестану подавать, но вы берите на себя ответ перед Богом за нищих, за их голод, слезы, вздохи, ропот, беспорядки, преступления, а я буду ждать указания Божия: правильны или ложны мои действия, правильна ли моя милостыня или нет – и справедливы вы в отношении меня или нет (26 октября. Утро. 4 часа). Чернявский, Веселовский, Трачевский (все священники) сказали, что они берут это на свой страх. Покажи же им, Господи, страх Твой за бесчеловечие и жестокосердие и за сребролюбие и за высокоумие их.

Нынешнюю неделю удивил на нас Господь милость Свою: на мою долю послал из кружки 40 рублей.

Скажу правдивое слово о сестре (по жене) Анне Константиновне: она иногда бывает крайне дерзка, лукава, лжива, клеветница, зложелательница до дерзости, злорадица; правды, ее касающейся и ооличающей ее во лжи, терпеть не может: говори ей, что она права, хотя явно лжет; не щадит доброго имени ближнего, который почему-либо ей не благоприятствовал и не благоприятствует, но чернит его беспощадно; всех осуждает, а сама не терпит, чтобы кто-либо ее судил; ленива, праздна, готова весь день сидеть сложа руки; нечиста на руку (цепочка от креста). Но есть и добрые стороны.

Будь бескровным мучеником, терпя от домашних нападения, ругательства, обвинения несправедливые, крики и плач притворный, клеветы, осуждения, наговоры, упреки за подаяние нищим, непослушание, неделание и праздность. Сам Господь сказал, что не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем.

С женой была размолвка и крупное огорчение. Избави, Боже, от сварливой жены, мелочной, нетерпеливой, мнительной до глупости и злости, придирчивой, непослушной, своенравной.

Благодарю Господа, помиловавшего меня в движении гнева моего на жену мою, когда я с великою строгостью и великим прещением отвечал ей на ее укоризны несправедливые. Ты не лишил меня мира и свободы, но и смирил еще

сердца обоих женщин – и моей жены, и вдовы сестры ее Анны и внушил им чувство благодарности, – не мне, а имени Твоему слава и благодарение. Только покори их мне, Господи, в праведных и должных делах, и да не своевольничают в доме и в жилище моем по прихоти сердца своего.

26 ноября [8 декабря н.ст.]

На этот день в ночи случилась со мною поллюция от употребления в пищу мясного бульона, мозгов, сжаренной рыбной икры и рыбы, картофеля, обжаренного в скоромном масле, и мяса. Ночью встал и принес Господу молитву покаяния и опять лег. Утреню и обедню служил по благодати Божией бодро, громогласно; пел на всенощной и читал громко, от всего сердца.

(..) Дома обедал всухомятку: винегрету с треской сухой, замороженной в уксусе, пирог с яблоками (постный), рисовую кашу с прованским маслом, белые грибы кислые в уксусе, пил наливку из смородины, потом чай без аппетита – вышло скверно: грибы на уксусе и каша да и пирог подействовали на меня скверно: золотуха моя взбесилась, разметалась, душить стала, лечь было нельзя, ходить тоже – к перемене погоды. (..) Из этого я убеждаюсь, что мне необходимо кушать в пост легкую, скоромную, дающую добрые соки пищу и пить молоко, суп. Лучше же быть здоровым и быть служакой, чем больным и бесполезным. Точию свобода сия да не в вину плоти будет.

Пост есть сила духовная против греха и против духов тьмы и зла. Невоздержание же есть крайнее бессилие человека, немощь в борьбе со грехом и диаволом и одоление от него. Вот почему Святая Церковь дает часто в руки чадам своим это оружие, ополчает их постом.

Благодарю Господа за дар умиления на всенощной. Но из-за дыр на фиолетовой шерстяной рясе враг смущал меня, суетного, в самом конце всенощной, не дав мне сделать (выговорить) всего отпуска и испросить прощения у предстоящих. Горько было мне быть побежденным от злодея в самом конце.

Женские врата — царские.

Мои действия в доме самочинны, самонравны, исполнены гордости и презорливости, обиды. Руфина говорила: надутый папаша. К кому это? Ангельского голоса надо послушать.

(..) Дитя Руфина назвала меня вчера «кака», – я огорчился: это значит, что я действительно кал греховный.

Отпевал Марию Ильиничну, дочь столоначальника таможи Ильи Николаевича Яковлева, бывшую замужем за инженером-механиком Ильёю Никитичем. Скончалась скоропостижно, [...]. А танцы виноваты, между прочим.

Плод рыбаждения и сластоядения – блудная эрекция детородного члена. Если не имеешь целию жизни рождать детей, то воздерживайся от ядения рыбы и сластей.

Сколько укоризн от жены, сколько угроз в порывах ярости! Надо принять меры предосторожности!

Не попусти, Боже, мне впредь есть рыбу и особенно пить сладкий чай: с 24-го на 25 марта, на Благовещение, почти всю ночь у меня были грезы, эрекция детородного члена была во всю ночь, и самые назойливые и беспокойные; чтобы не сделалось блудного излития, я часто пробуждался и знаменал член крестом, как бы распиная его на кресте.

Идучи сегодня (27 марта, вторник) на крестины в Песочную улицу, я встретил свояченицу, катающуюся на извозчике с ребенком Руфиною, и подумал: вот, она часто катается и ходить не хочет, да вдобавок каждый день пять бутылок молока истребляет, да мяса несколько фунтов, не разбирая никакого поста, и живет точно не вдова, а богатая купчиха или генеральша и графиня, всё на мой счет. Пожалел я своего добра для такой барыни, согрешил, не подоброхотствовал.

Свояченица Анна сегодня утешила меня трудом месива своего – месила тесто для куличей. Кто даст ей трудиться во вся дни?

Графиней или княгиней быть моей свояченице, а не попадъей, такие у ней аристократические, гордые замашки: аристократами только и услаждается, великосветскими приемами и манерами, об аристократах с восторгом любит отзываться, аристократическое везде хочет видеть; но странное дело – в домашнему быту сама большая неряха: всё засорит, загадит, а вычистить или привести в порядок не хочет; ходить за ней и убирать постоянно надо – это точно аристократически! Правду говорю, без злобы!

Пасха. Молил я ныне утром до обедни Господа моего, да дарует мне благодать совершить непреткновенно Божественную литургию, и услышал Господь, и помиловал меня, и даровал мне силу совершить непреткновенно всю литургию, и царствующий дом весь по именам выговорить на великом входе непреткновенно и спокойно. Слава о сем Господу моему!

О поклонах и коленопреклонениях. Видел я в церкви гордого, самомнительного молодого офицера, штурмана или инженер-механика, в Великом посту на Страстной неделе, с пренебрежением, и каким-то странным пренебрежением относившегося к молитве общественной: он едва делал на себе крестное знамение небрежно, лениво и презрительно, еле-еле наклонял свою голову (вторник или среда Страстной недели), в землю вовсе не кланялся. Возгнушалась им душа моя! Такой червяк (он был маленького роста и лет двадцати, не больше) и так небрежно молится! О, современное образование – дикое, скользкое, не касающееся глубины разума и чувства!

Из-за слова моего, вовсе не обидного, сестра Анна обиделась на меня и даже прослезилась. А сама заставила плакать многих горькими слезами и допустила до разврата одну, а может быть и не одну девушку. Да не поставится ей сие в грех. Господи! Я не сужу: Ты Судия праведный.

Из-за чего ты яришься: из-за того, что жена тебя оставила, чтоб жить для сестры и детей ее малых? Что же? Слава Богу, – значит, тебе пришло время исполнить слово Спасителя о оставлении жены Царствия ради Божия!

Без Церкви, без брака церковного хотят обойтись; общество, говорят, выработало убеждение, что лучше жить гражданским браком: взял девицу, да и живи с нею, не понравилась – долой ее. (В Окружном суде судебный пристав.) Вообще, офицеры да ученые считают Церковь лишним учреждением и не ходят к богослужению. Нападать на это, обличать. Показать самые вредные последствия от того.

Тебе нравится гражданский брак – но это брак по плоти, а не по духу, союз плоти, а не духа, союз самый слабый, неблагодарный, корыстный, потому что ради одной плотской сласти существует, союз, который не дает силы или благодати любить свою подругу свято, духовно, во Христе, – союз, скажу одним словом, прелюбодейный, животный, бесовский.

Отец Алексей Цветков и Авдотья Алексеевна, его матушка, сильно обличили меня в несоблюдении поста и крепко напали на меня; отец Алексей назвал меня нигилистом; он и мать сказали, что я дурной пример подаю прихожанам, что я от несоблюдения поста болею ушами. Достоинно и праведно я изобличен, приемлю это [властное] обличение как от Тебя Самого, Господи: я достоин того. Помилуй!

остановился мой понос благодатию и силою Животворящих Таин и чрез благодать венчания, ибо я проникся животворною силою молитв брачных; и доктору спасибо за капли.

Лежебок отец Матфей, собрат мой, не хочет ходить на крестины, хотя, как чередный, должен бы ходить, и не хочет меня заменять, хотя я его заменяю, и всё ради лени и сребролюбия, потому что не в карман его широкий и преполный идут деньги. И я теперь не в приходе выслуженные деньги или не буду записывать в кружку, или в половину только буду писать, ибо избытие и богатство повергло брата моего в леность, гордость, жестокосердие, скупость. Господи! Зри и суди. А ты, брат, ешь-пей, собирай сребреники, веселись и жди суда Божия! Никуда почти не ходят отцы на требы, получают только лежа на боку большие деньги и не хотят еще заменить меня вовремя!

Том XVIII. 1873–1874 гг.

В будущий Великий пост, если даст Господь время мне и еще, надо тотчас считать, на сколько рублей от каждой исповеди всеми священниками соборными передано сторожу-свечнику свечей. А то мимо рук много проходит; сторожа могут пользоваться и пользуются свечами в свою пользу, крадут, особенно Николай алтарный.

Я плакал пред Богом на общество за невнимание к бедным и за предоставление их моим скудным средствам. Если и теперь не состоится это благотворительное учреждение, мне остается жаловаться Господу у престола на жестокосердие людей, – и не мне будет стыд, что оно не состоится, а обществу, ибо я со своей стороны носил нищету Кронштадтскую на своих плечах семнадцать лет и всегда и везде, сколько мог чем-нибудь, удовлетворял действительную нищету. Конечно, иногда и ошибался. Кто же не ошибается? Ошибался иногда в лицах бедных; я ошибался и сам собою, то есть не с кротостию и смирением и не в простоте сердца подавал милостыню, но с досадою и огорчением. Но не осуждайте за это: я – человек. Одно скажу, что много, много было нищих, – спасибо Палате: она наградила нас, – зря. Ведь в самом деле, легко сказать: приписывайся к Кронштадту – будешь сыт.

У господина Константина Романовича Бойля выпил вина и портеру не в меру, и от того возобладал мною враг, делая мне пакости, препятствия при крещении в доме Касаткина в таможне, и особенно при венчании в церкви: смущение и боязнь, недоговаривание многих слов и речений, да и на молебне в квартире г. Хоменко. Согрешил пред Богом, пред людьми и пред собою!

Раздражила меня сегодня вечером своим невежеством, непокорностью, грубостью, дерзостью свояченица моя (почивающая на моей шее со своими детьми и прислугою) непрерывным визгом и шумом, который возбуждала и поддерживала в детях сама мать, – я был выведен из терпения и вышел унять детей и мать: мать лежит на полу, как пень и колода, и ухом не ведет, как не до ней и дело. Крикнул я на них и велел идти в свою комнату. Пошла и заворчала, как медведица рыча, а жена – за сестру и против меня.

Крайне пристрастна моя жена к своей сестре: принять это к сведению и предостережению: она балует ужасно всем и ее, и детей.

Сказать отцу протоиерею об алтарном стороже Николае как о воре, ворующем наши доходы от поминаний, и свечи, и книги, и зонтики, и священные одежды, поясы, набедренники и прочее, из коих жена его шьет башмаки и пояса себе.

Благодарю Господа за дар литургии и за премирное, животворящее, спасительное для души и тела причащение пречистых Таин. На великом входе сбобел и спотыкался в смущении. [Козлянинову] имел в виду, но смутился. А она гордячка, по крайней мере так мне показалось. О, глупое сердце! К одним чувствует безотчетную неприязнь, к другим – глупую плотскую приязнь.

Вчера за всеобщей вдруг пропал у меня голос: думаю оттого, что ел холодные яблоки перед самою всеобщей; выпил, впрочем, хересу рюмку после того, затем лег в постель, очень согрелся и, согревшись сильно, вышел на холод. А еще думаю, что отрыгнули у меня сухари с кофе (у Семеновых), булка у Детпера и дома булка же со щами. В булке, вероятно, был поташ, – странно было: привалило к горлу и совсем застряло. После всеобщей крестил у Ужикова, капитана, прижитого незаконно младенца Зиновия, больного животом. Вот и гражданский брак. Мать – девушка пятнадцати лет. Согрешили мы, беззаконничали пред Тобой, Господи! Не сотворили, не соблюли того, что от Тебя заповедано нам, – но не предай нас до конца погибнуть, Боже отцев наших.

Через Святейший Синод от Самого Господа исходит священие (sanctiv) на всю Россию: чрез избрание, наречение и посвящение епископов и чрез посвящение епископами священнослужителей и церковнослужителей священнодействуются все службы и Таинства церковные, совершается духовное управление верующими как членами духовного благодатного Царства Христова.

Сребролюбец есть антихрист (пример – Иуда-предатель); чревоугодник есть антихрист, ибо один работает деньгам, а другой – чреву и постоянно противятся благодати Христовой; они долу зрят.

Ныне, в день святого апостола Андрея Первозванного, я собрал со крестом 112 рублей, для братии 9 рублей 50 копеек [...]; отец протоиерей сказал, что я очень много собрал. (Рождество – в северной части; Крещение – на горе.)

А после обедни на молебнах имел великое спокойствие и дерзновение, между прочим, у члена таможни Николая Петровича [Таратыгина] и в редакции «кронштадтского Вестника». Молебнов двадцать или двадцать пять служил: тридцать один рубль заработал.

Дивен промысел Господа о творящих милостыню. На голодающих самарцев я пожертвовал третьего дня три рубля, и назавтра же Господь возвратил мне их с избытком (частный пристав Прокофьев за молитву родившей жене его). Благодарю Господа.

Нарушив пост устами (в пятницу молоко), я нарушил его потом зрением, сердцем и чреслами, ощутив беспорядочные, сладные, нечистые движения в членах, ниже чрева лежащих, при виде сосцов молодой красивой матери. Это было при даче молитвы жене родившей. Вот как необходимо обуздывать страстную плоть постом. Вот как она воюет на душу непрестанно и сильно! (..)

Филиппу Степанову, дерзко меня упрекнувшему за подачу милостыни, по его мнению неправильную, сделать замечание, да не явится он мудр у себя; что я не мальчик пятнадцати лет, а пастырь его, Богом данный и Богом наставляемый; что он, Степанов, должен за собой смотреть и себя учить, а не пастыря; что он, хоть и ходит на исповедь каждый год, но только для виду, без расположения сердечного и к духовнику, и к важному делу исповеди, что исповедь его всегда была мертвая, смутная, скрытая, без всякой откровенности и, значит, грешная; что пусть себе изберет духовника по сердцу, а я не хочу больше терпеть двуличности и лицемерия.

Ну уж какое лютое беспокойство мне было от детородного члена ночью! Какой зной! Какая сласть! Только крестом, коим много раз знаменовался,

удержался я от блудного разлиния. Это, вероятно, от выпитого утром молока (два стакана) и от рыбы, жаренной с солью и с маслом, за обедом, да и от сладкого чаю, выпитого в значительном количестве, первый раз внакладку, а другой вприкуску.

Младенец Лиза озлилась на меня, и я вознегодовал на нее и уязвился в душе гневом, но помолился о спасении моем Господу, и да не будут младенцы как рождения змиины, – и Господь спас меня, страстного; грехи младенцев не вменяются им до семи лет по правилам Церкви – и они чада Адамовы, как я, с склонностью ко злу и действительным злом. Да не вменит им Господь, и я тем более – ибо я, я, я грешен, не они.

Благодарю Господа за начало учреждения Попечительства при церкви нашей выбором членов и председателя, Михаила Осиповича Бритнева; Александр Бритиев – ругатель: ругал крепко митрополита, да и нас всех заодно с Николаем Сидоровым, придирался, лаял, наскакивал, как пес, хвалился крайне собою: я, дескать, задал бы вам ходу, если бы был у вас старостой. Да воздаст ему Господь вскоре по великой дерзости его, кощунству его или да смирит его и почтительным с покорностью духовному начальству соделает его. Укорил нас крохами своими, маленькими крошками своими. Господи! ругаются нам, слугам Твоим, козлища сии. Дхни на них духом негодования Твоего, ибо до небес возвысилась гордость их и нет для них ничего святого на земле; всё они хулят, над всеми святынями Твоими ругаются, ожирели они от множества даров Твоих; плода от них нет никому, заражают они других нечестием своим.

Не прикасайтесь к помазанным Моим (между прочим – и священникам), и пророкам Моим не делайте зла. Касаясь их, якоже касаясь в зеницу ока Божия. Мы – слуги Христовы и строители Таин Божиих. Разве доселе не познали вы, миряне, безмерно великих благ, ниспосылаемых вам чрез священников? Чрез совершение ими Таинств, учения, руководства ко спасению? Без них вы были бы как псиня блевотина, как кал, как овцы без пастыря, как слепцы, как верная добыча дьявола.

Добавил этот грех другим – озлоблением на нищего старика, бывшего лакея, назойливо приступавшего ко мне за милостыней; я говорил ему: ты пропиваешь на вино деньги, и, когда он гнался за мною, я с яростью

набросился на него и подрал за бороду и за волосы. Но, о, долготерпение и милосердие Божие! И после этого Господь приял мое покаяние до крестин у г. Белоусова в доме Кудрявцева и даровал мне совершить непреткновенно, громогласно, торжественно святое Таинство Крещения. Слава и благодарение Господу за все милости.

В будущем веке союзы родственные расторгнутся: негодные дети будут навеки разлучены со своими добрыми родителями, негодные мужья с добрыми, благочестивыми женами или негодные жены с добрыми мужьями. Там будет одно родство добродетели.

Благодарю Господа, сподобившего меня вчера совершить непреткновенно Божественную литургию и причаститься чудных Его животворящих Таин во благо душе и телу моему. Двести десять поминаний было, и тридцать четыре рубля доходу Господь послал.

При молитве за государя во время всенощной на Сретение Господне мне пришла следующая мысль: государь для царства как сень, покров и защита: под его управлением наибольшая часть благоденствуют, воспитывается юношество, развиваются и процветают науки, искусства, художества, благоденствует Церковь, совершая величайшее свое призвание, совершается богослужение с Святейшими Таинствами, поучается, руководствуется к христианской святой жизни, к Небесному Царствию народ Божий; возникают, умножаются, процветают благотворительные учреждения; мирно совершает свое обучение и проходит житейское и военное поприще воинство; мирно проводит в обычных занятиях свое дело палата и весь чиновный люд; процветает земледелие и торговля; государь в государстве подобен великому, высокому, ветвистому, многолиственному, многоплодному дереву, под сению коего живут, покоятся и питаются бесчисленные птицы, как изображается это в книге пророка Даниила. (..)

Благодарю Господа. Но да не злоупотребляю впредь долготерпением и милостью Божиею. Да не раздражаюсь никогда ни на кого, особенно на жену. Да буду кроток, незлобив, терпелив. Я молил Господа, чтобы Он и жену мою примирил со мною, как меня с нею: и – удивительно! – я нашел жену улыбающеюся и готовою к миру; она приласкала меня, вымыла мои

ноги вином (резь была в них), вытерла, перевязала больную мою руку – опять стали жить в мире. Слава о сем Господу!

Господи, вразуми и жену мою, как меня! Пошли ей искушения, как и мне, да не забудется, да не искушает меня непрестанно. О, как мне блазнят непрестанно всякие страсти. Какой я блазненный, по грехам моих!

Сетую на женщин, на жену и свояченицу мою, что у них нет порядка в домашних делах; водясь с детьми до забвения всего, они ни во что в доме не вникают: всё в беспорядке, время еды и питья чаю – самое неопределенное, иногда пьют и ночью, как вчера, самовар часто кипит по два, по три часа, а они между тем или спят, или болтовней занимаются. Жена лакомится (и я иногда за нею) без всякой меры, не разбирая поста, – для ней и нет поста, для неё всё трын-трава. Плоть она одна – без духа; от того толста и жирна, как откормленная телица. Священное чтение или молитвы домашние и общественные для ней чужды: она не имеет к ним ни малейшего вкуса. Ни к ней, ни к сестре (а сестра в том же чисто духе, и в добавок никоих постов знать не хочет) – не могу я иметь сердечного расположения за их цыганские уродливые нравы, за жизнь, лишенную всякого порядка. Для них не существует прочего мира: они – весь мир. Судят, рядят обо всех, воображая, что все им должны служить, а они – никому; придет кто в гости – чуждаются и бегают. Анна Константиновна, сестра моей жены, по своей должности обставила уже себя шпионами и доносчиками, которые сказывают ей, что об ней говорят протоиерей и священники церкви, при коей она просфирницей: она запугала их заблаговременно сестрой митрополита с Матроной Егоровой, впрочем, достопочтенной особой. Сама задорная, она боится, что все будут ее обижать: не может терпеть ни слова замечания или вразумления – сей час расплачется. С такими-то людьми приходится мне жить и лавировать в житейском море.

Благодарю Господа, простившего мне грех тяжкий (назвал ребенка Лизу куском жиру в чувстве ревности, зависти, неприязни) ради молитвы веры, покаяния, ради всепримиряющей жертвы – Тела и Крови Господней. Славлю благость, скоропослушество, милосердие, недремлемость Божию – еже спасати нас.

Причащал я сегодня сорок два человека крестьян, исповеданных отцом Матфеем, и думал: они исповеданы другим, не мною; он исповедал, а мне дал труд причащать (согрешил, окаянный); две частицы Пречистых Тайн на пол уронил и поднял: (диакон замыл потом). А когда взглянул потом, что дал мне один офицер, исповедавшийся у меня пред ранней обедней, [Т...], [увидел], что он дал один три рубля, – вот щедроты Божии! И меня не оставил Господь. Благодарю Господа! Помилуй мя, Господи!

Ночью на второй день едва-едва не случилось прелюбодейное осквернение во сне, – святой Ангел Хранитель разбудил меня и не допустил до осквернения.

Согрешил пред Богом, неистово возопив на нищих и прогнав некоторых из них пинками в задницу за неотступность и частое прошение милостыни в один день.

Вот тебе водочка у отца Василия с трактирным пирожком мясным! Вот тебе мясоядение дома! Опять ночная поллюция! Опять осквернение и изнурение! Да и нецеломудренные виды. Иллюстрации тут же! Отсутствие канонника и оставление канона Божией Матери на ночь! Два канонника! Ни одной иллюстрации! О, светская пакость! О, мир во зле лежащий!

И еще каюсь Господеви, и еще милости прошу у Владыки живота моего и мира с женою, хотя она непослушна. Дажь мне, Господи, победить терпением ее своенравие и непослушание. Сам, Господи, приклони ее к послушанию, а не к противлению, к делу рук, а не к бездействию и лености, ибо она по намерению Твоему, Господи, помощница есть мужу и должна повиноваться мужу. Я ничем не томил и не томлю ее, и она живет свободно, пространно питаюсь на всякий день, как вольный конь в поле. Вот она и от храма удалилась совсем, под предлогом присмотра за детьми, и всякое дело веры оставила, и не говела, и не приобщалась – и потому вселился в нее злой дух, и мне ради ее жить тягостно. Постоянные из-за нее смущения, из-за множества опущений ее по дому. Господи! накажи ее по упрямству и по нерадению ее.

(..) Пришедши домой, крайне расстроился, услышав целый нужник в своем кабинете и в своей спальне, особенно когда жена, вместо того чтобы успокоить меня ласковою речью, начала говорить дерзко, заносчиво; за исступление ее и дерзость я вырвал у ней серьгу из одного уха, а она еще хуже стала орать и беситься и даже плакать. Боже мой! Из-за пустяков сколько смятения, нестроения, вражды! Мне надо было стерпеть хотя и в сотый раз этот беспорядок и непослушание и грубость жены, а жене не надо было мне говорить грубости, при всегдашнем ее непослушании, которое давно меня обижает. Господи! Обоюднo мы согрешили, но с женой моей, забывшей Тебя и храм Твой и не участвующей в Таинствах Церкви, – мне жить в мире трудно, ибо она – диавол есть. Господи, смири ее!

Предостерегал меня отец игумен Феодосий насчет моего зятя Семена, чтобы я не посылал ему много денег, дабы он не испортился от довольства, а вот теперь это случилось с моими племянниками, коих деньги мои испортили: они стали пить вино, и их исключили из семинарии.

Что я сам делаю, я, обвинитель жестокий других в пьянстве? Сам напился пьян, и так в класс пошел, и детей ввел в соблазн.

Если сравнить жизнь и обстоятельства житейские нынешних священнослужителей, особенно архиереев, архимандритов, протоиереев и иереев, с жизнью древних, то представляется огромная разница: нынешние увешаны знаками отличий – древние весьма часто терпели бесчестие и поношение; нынешние всем обеспечены и нередко весьма богаты – древние не имели при поясе меди и были странниками и пришельцами; нынешние, по причине своих отличий, своих лент и звезд и других отличий, неприступны – древние просты и всем приступны, как например святитель Николай Чудотворец; у прежних было слишком мало формы, буквы, а много дела – у нынешних, напротив, форма заедает, тормозит дело, официальность мертвит, проникает всё, и нет живительного, согревающего духа в пастырях, особенно архипастырях: они стали неприступными вельможами, не достаивающими ласкового слова, и кого же? Своих сопастырей и помощников в деле Христовом. А все ордена и суета, слава мира сего, не соответствующая смирению пастырей обстановка. Архипастыри и пастыри! Возвратитесь к древней простоте и смирению.

Даждь мне, Господи, благодать не иметь в сердце ни малейшего неудовольствия и огорчения на господина директора Петра Николаевича Яниша и господина Яновского за лишение меня ордена, ибо я и достоин посярмления за свое нерадение и душевную неготовность в иное время. (Но Яниш управляет гимназией чрез наушников, а не сам; правда, и за то спасибо, что не беспокоит и не препятствует заниматься делом.)

Слова Николая Михайловича Овидова о присоединившейся к православной вере польской девушке-католичке, о родителях ее зверонравных (католическая вера не воспитывает своих чад в духе христианском), о католическом канонике Сорочинском, о его скверных намерениях относительно девушки.

В запрошедшую ночь сгорело на один миллион казенного дорогого лесу вместе с каменным зданием, в коем он хранился. О, злодеи поляки или немцы! Впрочем, это праведный гнев Божий за построение театра и нерадение о храме. К нам возвращаются времена языческие.

Так, один священник в Петербурге, кажется военный, вероятно пресыщенный вином и пищей и помешанный на картежной игре, наругался над Святыми Тайнами, призвав солдата и приказав употребить Святые Дары; тот отказался, тоже с пренебрежением. О, ужас! О, предательство, горшее Иудина! О, хула дьявольская! (Отзыв отца Иоанна Никитича Полисадова о профессорах и студентах Академии как вольнодумцах, безбожниках.) Истина! – Жалко!

Реформа духовных учебных заведений, особенно высших Академий, довела до горьких крайностей – до вольнодумства, деморализации (безнравственность). Никто в монахи не идет, смеются над монашеством, олютеранились совсем. К таким же гибельным, и хуже еще, последствиям приведет и духовно-судебная реформа, когда будет в Церкви Божией преобладать светское начало и власть белого духовенства. И теперь характера Православия весьма мало в жизни мирян и духовных, а тогда, при уничтожении начала монашеского, которое всегда с особенною силою

отстаивало этот характер в вере, богослужении и жизни православных христиан, – и совсем исчезнет. Худые времена! Что делают наши митрополиты, архиепископы и епископы и архимандриты? Зачем молчат? Ордена обезоружили их.

Агрипина, девица, служанка вдовы Прокофьевой, умерла от родов, от приращения младенца к матке – это в показание праведного Суда Божия прелюбодейцам и прелюбодеям и в страх всем, живущим в так называемом гражданском браке.

Благодарю Господа, прекратившего страдания младенца (28 июля) по молитве моей, аще и недостойной, в 4-й казарме матросской, и прежде сего других младенцев. Младенец, долго страдавший и не спавший, заснул и потом умер. Надежда моя, Господи, слава Тебе!

За обедом довольно ел мяса, вследствие истощения от осквернения. Но больше никогда бы не есть!

Том XIX. 1874–1876 гг.

В газету «Кронштадтский Вестник» надо писать статейки, отрезвляющие общество от житейского усыпления суетными делами. Писать хоть какие-либо притчи, которые, занимая и подстрекая и изощряя ум, наводили бы на важные размышления и поощряли к добрым делам, к молитве, покаянию. А то пустяки пустяками погоняют. Какая пища они обществу? Поощрение к милостыне – христианское нравственное воспитание.

Вчера я был пьян от выпитого пива (двух стаканов), хересу и горькой водки (полрюмки) и крещение совершал с трудом в доме Недоноскова (в лачуге банной). Согрешил ко Господу!

20 октября ночью Господь посетил Кронштадт пожаром страшным, уничтожившим Владимирскую церковь, Гостиный двор и множество домов. Началось с блудного дома.

Медиум вызвал дух Христофора Колумба. Спирит проповедовал, что души живут между Землей и Луной по смерти.

24 декабря. Согрешил пред Господом в день сей великий предпразднества Рождества Христова в гневе кричал на двух нищих – мальчика (лет 14-ти) и девочку (лет 12-ти), и одну с гневом хватал за ворот и тряс, а другого ударил по уху в сенях и едва не столкнул с лестницы.

Вчера, в пятницу Третьей седмицы поста, я исповедал восемьдесят два человека. Исповедовал спокойно, легко, говорил дельно, особенно с Бурачками; молился о многих, наипаче блудниках и блудницах, прелюбодеях и прелюбодеицах, с чувством, со слезами пред иконами Спасителя и Пречистой Его Матери. Эта благодать дана мне от Господа за маленькое воздержание: я поел только сваренной капусты и не ел рыбы.

Император – образ Царя царей Господа, супруга его – образ Царицы небеси и земли – Матери Божией и Церкви Христовой.

Помяни, Господи, во Царствии Твоем раб Твоих милосердых Вальтера и Юлию с чадами, Александра, Анну и чад их – англиканцев.

Директор Яниш вчера прислал мне десять рублей за труд исповеди гимназистов. Точно он будто знал мысли мои и ответил на оные. Я был в гимназии вчера и внутренно молил Бога, чтобы директор прислал мне должное, если считает должным.

Президент Американских Штатов Грант сделался жалким рабом сигары и умирает из-за пристрастия к ней. Вот сеть вражия! Вот к чему ведет угодие плоти!

Для чего бы Святейшему Синоду и архипастырям Русской Церкви не обратиться с окружным пастырским посланием с увещанием не налагать на себя рук, что ныне так часто бывает, привести ясные доказательства

ужасного вреда от самоубийства для души самоубийц, разбить их доказательства, на коих они основывают свои безумные поступки, объявить им, что чрез самоубийства они разрывают дерзко всякий союз с Богом и с Церковью и лишают себя права на ее молитвы и ходатайство пред Богом и пр. Или уже Святейший Синод так заела реформа и светская власть, что они помимо прокурора ничего не могут сделать? Или ордена и богатство архипастырей и епархиальные дела совсем заели их? А кто даст ответ Богу за погибшие души? С кого взыщется кровь погибших?

Я в гневе на жену мою за то, что она не покоряется мне в справедливых делах и за то, что она разлучала и разлучает меня от общения с товарищами по службе и с прихожанами, в дом никого не пускает ради гостеприимства, бежит от всех дико, как зверь, и только сама для себя и своей сестры с детьми хочет жить. Моих родных ненавидит полною ненавистию.

Кто любит дичь (птицу), у того сердце и ум понесут дичь, как вот у меня сегодня после вчерашней дичи. Это верно.

Россияне! Вы объявили Богу своему войну своими пороками? Театры, клубы, питейные дома терпимости и пр., спиритисты? – Вам Бог объявит войну тяжкую.

Благодарю Господа, двукратно меня спасшего в Совете Попечительства по поводу покаянной молитвы моей вследствие злобы на меня Анны Константиновны Цветковой, крайне пренебрегавшей мною, а потом и дома или, лучше, по выходе на двор, когда я ушел от злобы и ссоры жены и сестры Анны. О, змииным образом подстрекает она жену мою, вооружает против меня, обобратить меня хочет. (Справка где-то, можно ли половину доходов у меня взять на жену.)

Напишу всем своякам о поступке моей свояченицы со мною и с племянником, о том, как подстрекает младшая моя свояченица жену мою разводиться со мною.

Когда свояченица Анна К. рассердится, разозлится, она непрестанно язвит, делает подлости, пакости, наветы, малюток детей своих учит пакостить, прислугу Анну, столь же злую, как она, жену мою... Поэтому не должно щадить ее, но запрещением запретить ей и в дом мой не показываться, чтобы не привела всех в смятение, в расстройство. Господь помощник мой.

Благодарю Господа за дело примирения мне свояченицы моей Анны К. – это есть чудо моей молитвы, чудо Божией силы и благости, ибо злоба была ожесточенная, ссора сильная, вызванная ненавистию к племяннику моему жены моей и Анны Константиновны; был виноват и я тем, что не стерпел этой неприязни.

Один молодой крестьянин сознался на исповеди в том, что он отравил жену свою мышьяком в пироге и что неделю она болела и умерла. А это злое дело произошло от ссоры домашних, матери жениной и самой жены. Я лишил его причащения Святых Таин и велел ему молиться и каяться домашним образом целый год, проливая слезы о своем злодеянии и моля Господа о оставлении согрешений жены своей и упокоении ее в месте света, покоя и прохлады.

В мире – служение плоти, греху и диаволу, в Церкви – служение духу, святыне, Богу. Если не работаем Богу, то работаем страстям: одно из двух. Лучше уж работать Богу.

НЕПРАВЕДНЫЕ МЫСЛИ О ПРАВЕДНОМ СВЯТОМ

Алексей Плужников

Вступление

Я долго не мог дерзнуть и начать писать, что же я думаю о человеке, известном как святой праведный Иоанн Кронштадтский. Может, опасался, что он вновь встанет из гроба и крикнет: «Проклянута! Залью кровью „Ахиллу“!..»

Фейк, говорите? Ну, тогда больше шансов, что проклянут православные почитатели Иоанна, отфрендятся, перестанут читать портал, будут еще громче кричать в своих бложиках: «„Ахилла“ — помойка! Мы всегда это знали!» Мне уже не раз намекали (после пока еще трех публикаций

выдержек из его дневников), что, мол, не замай! святого-то не трожь! Мол, архиереев трогай за все места, так и быть — даже патриарха, а вот Иоанна — нельзя!

И вот это интересное явление само по себе: не смей трогать святого, не смей выискивать в нем недостатки или публиковать некрасивые моменты его биографии, даже если он сам о себе это написал в дневниках. О чем беспокоятся почитатели святого? О том, что правда низвергнет его с небес? О том, что кто-то спохватится и проведет деканонизацию? Или, скорее, о том, что разрушится лубочный образ святого, который прочно укрепился в головах?..

Говорят: нельзя опираться на дневники, человек писал для себя, писал откровенно, всю правду, даже некрасивую, поэтому, мол, если бы мы сами написали честные дневники, то... Да, но именно потому, что человек в дневниках писал «всю правду» — дневники и являются ценнейшим источником информации о человеке, которого нам предлагают в качестве образца, в качестве «праведного». И когда эта информация входит в диссонанс с житиями, то тем более стоит внимательнее присмотреться к текстам.

Мы должны определиться в главном: что такое святость? Это абсолютное безгрешие? Это хорошее поведение? Это правильное направление духовной жизни? Это итог жизни — попадание в Царство Божие? В общем, это процесс или итог? Это состояние души или это особая избранность Богом на особое служение?

Я задаю эти вопросы, потому что защитники святого поступают нелогично: они считают, что раз человека в итоге канонизировали, то всю его жизнь в качестве человека надо рассматривать только сквозь призму его канонизации, его святости. Любые его ошибки надо замалчивать, его неверное духовное направление надо оправдывать «особым путем» — в общем, вывести святого из поля критики.

Но почему? Только потому, что уже написаны иконы? Уже звучат акафисты и построены храмы в честь святого? Он уже умер и не может быть критикуемым? Но тогда, по этой логике, и живых нельзя критиковать. Вдруг тот самый противный батюшка-хам на нашем приходе или тот архиерей, живущий в роскоши, на самом деле пишет страстные дневники, кается в них в своих грехах, вдруг он втихаря совершает добрые дела, благотворит и молится в огне и громе? Вдруг его потом канонизируют? Поэтому, предполагая это, нам надо закрыть глаза на его безобразия или образ жизни,

который он ведет публично? Так? Ведь потенциально и он святой. Да и вообще любой из нас.

Но я все-таки дерзну написать свои размышления.

Во-первых, с самой своей неофитской юности я почитал, очень любил и молился двум святым: преп. Серафиму Саровскому и праведному Иоанну Кронштадтскому. Первый для меня был образцом тихого мирного духа: «радость моя, Христос воскрес!»; согбенный старец, камушек, чудеса, медведи... Второй — воплощением горящего ревностного духа, «настоящим» священником, на которого хотелось быть похожим, целителем, бессребреником, нищелюбцем, обличителем людских пороков. Но время прошло, и от лубочного простодушного доверия житиям мне захотелось перейти к правде — какой бы ошеломляющей и неприглядной она ни была.

Во-вторых, это тоже дневник. Поэтому ревнители святости Иоанна Ильича Сергиева должны быть последовательны: раз Иоанну можно в дневнике писать «всю правду», даже некрасивую, то позвольте уж и мне сделать то же. Если же вы решите, что я осуждаю святого, так почитайте дневники — и Иоанн осуждал окружающих, регулярно и очень многих. Он каялся в своих грехах и своем осуждении? Так написано в его дневниках? Хорошо, и я тоже сразу раскаиваюсь и признаю, что все то, что я думаю и пишу — есть плод моего грешного падшего ума, я могу ошибаться, все на самом деле может быть не так, и да простят меня Бог, святой Иоанн и все суровые православные, ежели чего не так. И можете смело поосуждать меня у себя на страницах соцсетей — я не обижусь, поверьте. Приму поношение аки заслуженное, да спасусь вашими молитвами.

Общее впечатление от дневников

Сразу уточню: все то, что здесь написано, не есть всестороннее исследование личности Иоанна Кронштадтского — от рождения до смерти. Здесь нет ничего, кроме мыслей по поводу его девятнадцатитомного собрания дневников, точнее — с третьего тома по девятнадцатый, охватывающие период с 1859 по 1876 гг. Это мысли о священнике Иоанне Сергиеве в возрасте с 30 до 47 лет. Стоит это учитывать, если у читателей возникнут возражения, что, мол, а вот в старости на самом деле было то-то и то-то, и все было совсем не так. Может быть, но повторяюсь, мои заметки ограничены дневниковыми записями конкретного периода, охватить всю личность Иоанна я не берусь.

Никаких цитат из дневников я приводить не буду, чтобы не утяжелять текст. Желаящие фактов могут почитать наши краткие выдержки или (что намного правильнее) самостоятельно изучить все 19 томов. Как обычно напоминаю, что мы на «Ахилле» никого не призываем с нами соглашаться: каждый сам вправе и должен думать своей головой и делать свои выводы.

Итак, первое общее впечатление от прочитанного.

Такое чувство, будто у автора тяжелая форма потери памяти. Причем не только ежедневно человек просыпается и начинает жить и мыслить заново, но и несколько раз в день. Только этим можно объяснить 19 томов текста, который легко можно уложить в один маленький томик, без потери содержания, потому что автор постоянно пишет одно и то же. Причем одно и то же несколько раз в сутки, а может быть, один раз в сутки, но в разных абзацах.

Возникает ощущение, что автору крайне затруднительно просто думать, внутри своей головы, поэтому он выплескивает на бумагу поток сознания, чтобы увидеть его написанным, а значит — продуманным.

Также возникает устойчивое представление, что отец Иоанн думает только о себе. Все, что он пишет, крутится только вокруг его личности. Впечатление крайней степени эгоцентризма. Иоанн сам говорит, что ему нужен только Бог, но даже Бог нужен постольку, поскольку нужен ему. Весь окружающий мир, все люди, вся жизнь — лишь средства для того, чтобы Иоанну быть с Богом. Это производит гнетущее впечатление.

Наверное, 90-95% дневниковых записей посвящены «духовному» — отношениям с Богом, покаянию, размышлениям о спасении — своем и всего мира, о духовных плодах от причащения, о бесовских нападениях и борьбе с ними. Это то, что так любят тиражировать православные издательства, делая бесчисленные «духовные» сборники с цитатами Иоанна, формируя образ великого духовного подвижника и писателя.

Но при более близком рассмотрении становится ясно, что все духовное, что он пишет, крутится вокруг крайне ограниченного количества тем, он лишь бесконечно повторяет одно и то же, правда, делает это настолько страстно, горячо, — а вернее, как замечают трезвые люди, истерично, — что создается впечатление чего-то нового, удивительно оригинального.

Но никаких оригинальных мыслей у него нет. Мало того, для тех, кто читал труды святых отцов-аскетов о правильной духовной жизни, становится очевидным, что направление духовной жизни отца Иоанна прямо

противоречит советам опытных подвижников. Да, тут ревнителю закричат, что у отца Иоанна «особый путь» — и ничего не возразишь. Особый, конечно. Вот только является ли он примером для остальных христиан? — Сомнительно.

О покаянии

Главное в дневниках Иоанна — это его отношение к покаянию. И вот оно представляется крайне несхожим с тем подходом, какой обычно предлагается всем прочим христианам. Он считает, что для борьбы с грехом и со страстью нужно кропотливо вглядываться в каждое микроскопическое движение души, мысли, чувства. Со стороны степень этой кропотливости выглядит как признак психического заболевания. Все страницы дневников полны этим: как он подумал о том-то, «враг» его за это «стеснил», он помолился, преодолел врага, через секунду новая мысль — атака — молитва — покаяние — преодоление... А потом Иоанн приходил домой и строчил десятки страниц, описывая все это, смакуя, разглядывая со всех сторон, выискивая причины и следствия... И... и все начиналось по кругу.

Любой священник сразу скажет: о, у меня такие на исповедь частенько приходят! С тетрадками или длиннющими свитками «грехов», с темными кругами под глазами, с выражением побитой собаки на измученном лице... Обычно это женщины — в бесформенных черных юбках, обмотанные платками, в мужских ботинках и с рюкзачком за спиной. Узнали типаж, да?.. Нервическая неофитка, стукнутая головой о «духовность».

Вот это самое главное — его пресловутая борьба с грехом и с «врагом» на протяжении 17-ти лет не показывает абсолютно никаких плодов. Он крутится в вихре истерических страстей, да, конечно, он их осознает, но вновь и вновь он кидается в этот вихрь, чтобы вновь побороться и вновь про это написать — как он победил врага. Простите, а может, стоило хоть иногда в сторонке постоять? Выдохнуть, отдышаться, посмотреть на себя со стороны? Дневники дают пищу для выводов, что причиной всей духовной борьбы являются не страсти или бесы, а собственная истеричная, бешеная натура Иоанна. И причины этой истеричности крайне банальны. Давайте заглянем в его жизнь.

Семья

Общий настрой личности Иоанна, на мой взгляд, таков: «мне не нужен никто, кроме Бога. Всех надо любить, конечно, но только потому, что они — члены Тела Христова». Из этой его идеи вытекает все остальное в его жизни.

С таким внутренним устройством Иоанн Сергиев просто обязан был уйти в монахи. Или попросить целибатного рукоположения. Да, первым целибатным священником стал отец Александр Горский в 1860 году, на пять лет позже рукоположения отца Иоанна, можно сказать, что это было дело непривычное. И вроде бы он даже хотел стать монахом и миссионером, но тут случился тот самый знаменитый сон, в котором он увидел себя служащим в Кронштадтском соборе... И, как сказал писатель, «все заверте...». (К слову, Иоанн и впоследствии очень любил цитировать свои сны и делать всякие духовные выводы из того, что приснилось. Вместо того, чтобы, по совету отцов, вменять свои сны ни во что.)

Итак, Иоанн решает стать священником посредством женитьбы на Елизавете Константиновне, дочери Кронштадтского протоиерея, чье место в соборе и получил Иоанн. А вместе с местом и женой он получил довеском тестя и прочую родню жены, квартиру и многолетний психоз под названием: «я должен любить и уважать родню!» Эту мантру он повторял год за годом, убеждая себя.

Жена

«Самое несчастное существо», «жену больше всего жалко» — так наши читатели характеризуют «девственный брак» Иоанна и Елизаветы. И действительно — бедная жена.

Настолько несчастная, что впервые ее имя в дневниках Иоанна я встретил (могу ошибиться, знатоки меня поправят) в 12-м томе... Да и то оно было упомянуто вскользь. Второй раз в том же томе имя жены было упомянуто лишь для того, чтобы отличить ее от ее сестры Анны. (А вот имя свояченицы Анны, «Анны Константиновны», «Аннушки» он повторяет в дневниках многократно, и отношениями с ней Иоанн озабочен намного больше, чем отношениями с женой, вплоть до сексуального возбуждения от взгляда на ее портрет... Хотя, правда, позже Анну отдали замуж, и отношения стали больше напоминать поле боя.)

Жена для Иоанна просто «жена». Он признается регулярно, что жена его любит, заботится о нем, «ласкает» (в смысле уважает и ласково обращается), и что он «должен ее любить». Должен. Но ни разу я не встретил простых слов: «люблю». Ни разу. Только «должен». Почему должен? Потому что «и она — член тела Христова». Потому что надо всех любить по-христиански...

А когда у него появлялись сексуальные желания по отношению к жене — он себя укорял за них, мол, есть у тебя Божья любовь, не разменивайся. Мало

того, он считал грехом даже сон, в котором вступил в сексуальные отношения с... женой.

Он проводил такую причинно-следственную связь: жена меня любит. Эту любовь вложил в нее Бог. Поэтому надо благодарить Бога за это и... любить Бога. Прекрасная логика. Мнение и желание жены абсолютно проигнорировано. На ее месте могла быть собака, лошадь — неважно.

Можно сказать прямо: не жена она ему, а сожительница. В самом натуральном смысле: просто живет с ним в одной квартире и обслуживает его. Ничем не отличаясь ни от своих сестер, ни от служанок.

Думается, что Елизавета Константиновна достойна канонизации не меньше мужа — как страстотерпица. Потому что, по поговорке, дома появился праведник, и все остальные превратились в мучеников.

Маминька

А вот отношение к матери у Иоанна разительно отличается от отношения к жене. Маминька — «святыня», маминька — «вторая после Бога» для него. Ей почтение и всякая любовь подобает. Конечно, с годами видно, что он стесняется ее простоты и грубости, она его порой раздражает, как всякая простодушная старушка, но все равно: маминька — божество, а жена — ну что жена...

Родня жены

К родне (тестю-протоиерею, братьям и сестрам жены) Иоанн относится так же, как и к ней: «надо, я должен, я ж получил благодаря тестю квартиру, жену, место, сан, доход... Надо, надо, я должен, должен...» Из года в год звучит этот рефрен, как он должны быть благодарным. И за кадром чувствуется: «как же меня бесит — быть благодарным!»

Питание

Но отношение к родне нельзя понять без главной страсти Иоанна Сергиева — еды.

Я доселе никогда не видел такого гипертрофированного интереса к своему питанию. Это самый натуральный культ еды, фетишизм, идолопоклонство. В этом Иоанн напомнил мне паука, который прядет сложнейшую паутину из гастрономических причин и следствий. Плохой или блудный сон — из-за того, что съел вредный продукт. Мысль грешная — слишком поздно поел. Озлобился, взъярился — чай или кофе виноваты. Не смог четко или громко выговорить на литургии что-то — сочетание продуктов было неправильным.

Это извращенное ковыряние в тарелке и в своем желудке просто вводит в ступор: не знаешь, то ли смеяться, то ли тебя стошнит сейчас. Потому что отец Иоанн занимается еще и безумными пищевыми экспериментами, типа смешивает пиво с молоком, или пьет за раз по три стакана чая вкупе с тремя чашками кофе, а потом глубокомысленно замечает, что это «нехорошо».

Мало того, что он выводит все грехи и страсти из еды («молоко — блуд, мясо — блуд, сладкий чай — блуд», да все почти — блуд), так он на одной странице может противоречить сам себе. То у него сладкий чай — блуд, то — полезен. То молоко вредно и блуд, то молоко ему нужно и полезно — и так до бесконечности.

Но самая безумная страсть, которую отец Иоанн, конечно же, признает, и сам ее называет — «сахарная страсть».

Очень многое становится понятным в его жизни и в частности в отношениях с родней, когда знаешь об этой страсти. Основная претензия к родне — они объедают его, причем объедают в сладостях, и конкретно — в сахаре. Он заглядывает в тарелку, кружку и в рот тестю, после смерти тестя — братьям жены, Алексею и Константину, его бесит, что кто-то съест лишний кусочек сахара, выпьет лишний стакан сладкого чая и проч. Когда же он хвалит кого, например, Анну Константиновну, то за то, что она-де добрая — мне отдала стакан молока, а варенье брату, сама не съела...

Так же он относится к гостям, к слугам — переживает, что все сожрут... Тут же корит себя, все понимает, осознает, и все равно: нелепая жадность до сладкого буквально сводит его с ума.

И вот возникает очередной вопрос к духовной жизни Иоанна: где ты, духовная мудрость? Ведь элементарный закон аскетике: если тебя что-то безумно искушает — убери это из своей жизни, по возможности. Да, ты не можешь убрать родню или блудные помыслы, но сахар-то ты можешь убрать? Если сахар — блуд, зачем ты блудишь каждый день? Если молоко, сливки — блуд, зачем ты ими упиваешься каждый день? Если чай «отгоняет Святого Духа» (!!) — зачем же ты по несколько стаканов в себя вливаешь?.. Зачем ты проповедуешь ежедневно воздержание, пост, избегание блуда (а Иоанн все это проповедовал страстно, горячо, обличал нечестивцев-обжор-пьяниц-блудников так, что ух!), если ты в этом смысле сам похож на борца с онанистами, который свою комнату от пола до потолка увешал порнокартинками, смотрит на них круглосуточно и...

А, ну да, потом кается, осознает и рыдает в бумагу пафосными фразами с бесчисленными восклицательными знаками. Да. Вместо того, чтобы просто сахар перестать покупать.

Это духовная борьба? Это святость? А по-моему, это извращение и психопатия.

Пост

Помните благочестивую байку, которую тиражируют жития: молодой Иоанн заболел, врач ему велел мясо кушать для поправки здоровья, в пост, а Иоанн запросил у матери телеграммой благословения, можно ли. А строгая маминька ответила: «Лучше умереть, но мясо в пост не есть!»

Помните, да? Я тоже помню, и раньше восхищался постником Иоанном. Пока не прочитал дневники, в которых он прямым текстом говорит, что себе, любимому, он вполне «ради здоровья» (золотушный он, болезный) позволяет регулярно есть в пост молоко, сливки, мясо, масло и т.п. И хотя, разумеется, кается в этом, но не слишком усердно, потому что собственное здоровье для него крайне важно.

И то, что жена и родня у Иоанна не постятся, его тоже не слишком беспокоит. Напротив, он даже умудряется из этого сделать вывод в свою пользу: мол, скоромным они быстрее насытятся и меньше съедят.

А вы дальше верьте в байки про маминьку и «лучше умереть», ага.

Выпивка

Судя по дневникам, батюшка Иоанн был алкоголик. Нет, он не уходил в недельные запои, не впадал в белую горячку, не валялся под забором, и даже обижался, когда настоятель подозревал его в пьянстве, но для него было в порядке вещей выпивать днем одновременно «водки, хересу и шампанского», а потом тут же пойти крестить, служить молебен или всенощную... На ночь рюмку-другую водки, вина или пива — вообще не проблема, выпивку он воспринимал как лекарство. И даже возмущался свояченицей Анной Константиновной, которая, поганка этакая, не давала вина своему мужу, тоже священнику. Из-за этого, мол, у того и все болезни, а раньше-то мы с ним «хересок пивали во славу Божию и в свое утешение!»

Зато яростный борец с пьянством.

А я еще на сорокоусте по молодости возмущался, когда наши батюшки выпивали в поповке, а потом шли крестить или на всенощную с акафистом с

красными глазами и заплетающимся языком — так они настоящие подвижники, оказывается, истинные последователи святого праведного...

Курение

Батюшка Иоанн бросил курить, будучи молодым священником. И превратился в горячего обличителя курильщиков, вплоть до пожеланий курильщикам дышать табачным дымом вместо воздуха. Из-за курения у него шла перманентная война с тестем-протоиереем, а после смерти последнего — с братом жены Константином, оба они курили в квартире. Он бесился, негодовал, упрекал...

А потом бац: пишет, как покурил сигару. А потом бац: «побаловался сигаретой и предлагал такой-то даме». А потом снова, а потом опять.

А потом — обличать. А как же.

Деньги

О чем нам говорят жития? Батюшка Иоанн был бессребреник, раздавал нищим деньги тысячами, ничего в руках у него не задерживалось, помогал разным приходам, монастырям, строил дома трудолюбия... Да, все так, не будем отрицать. Правда, дневники говорят еще и о том, что, даже будучи третьим священником на приходе, отец Иоанн более чем хорошо зарабатывал.

Он получал деньги за службу — из братской кружки, проскомидийные, за исповедь, за таинства (по несколько венчаний, крещений, отпеваний в день бывало). Он получал приличные деньги за требы на дому, включая какую-нибудь молитву родильнице, которая читается пять минут, но рублик за нее он получал.

Он получал жалование в гимназии, где преподавал. Он получал какие-то деньги в суде, где заседал. Он регулярно ссорился с настоятелем и другими членами клира из-за денег, ужасно переживал, что дьячок сопрет деньги из тарелки, пока сам Иоанн служит. И это он еще пока молодой священник, не прославлен широко как великий благодетель.

Финансовое расслоение между соборным духовенством Кронштадта и деревенским видно из его дневников: он обличает своего собрата, второго соборного священника Матфея за то, что тот жадный, сребролюбивый и собирает себе «уже не один десяток тысяч рублей»! Но возмущается он не тем, что Матфей их собирает, а тем, что тот не хочет нищим благодетельствовать, по примеру самого Иоанна.

При этом Иоанн, беседуя с кем-то на тему духовного развития села, предлагает посылать в деревню образованных молодых священников, а для их содержания «облагать оброком крестьян».

Святой праведный считает все это вполне нормальным — свои многотысячные доходы и нищету сельских попов, а для исправления ситуации предлагает еще больше закабалить мужиков — вместо перераспределения доходов путем поддержки богатыми приходами бедных. Видимо, современные городские соборные попы-олигархи — истинные ученики Иоанна: это, мол, наше, кровное, а их нищета — их проблема.

Да, он борется со своим сребролюбием (и с чужим тоже — завидуя и осуждая собратьев по собору), да, он раздает деньги нищим, да, делает добрые дела. Но друзья, давайте канонизируем криминальных братков и олигархов, которые строят храмы, отстегивают на благотворительность и «на детишек»? Чем они хуже?..

Священство и царство

Всем известно, что Иоанн был монархистом. Но его монархизм, судя по дневникам, был в одном шаге от того, чтобы Иоанна можно было назвать родоначальником царебожия, ибо его регулярные сравнения царя и царской семьи с Богом, Троицей и название царей «земными богами» — настораживает.

Особо впечатляет важнейший момент в его духовной литургийной жизни: ему крайне важно «выговорить царскую фамилию» на великом входе или на другом поминовении. Вокруг этого крутится многое: если не выговорил четко и громко, или кого-то пропустил, или запнулся, то это указание на бесовские нападения, которые случились вследствие его грехов, а грехи — вследствие неправильного питания и... по кругу.

Но Иоанн порой позволял себе и слегка критиковать представителей царской фамилии и даже самого царя-батюшку журил (в своем дневнике), этого не отнять.

Касательно его отношения к богатым, знатым, военным — видно, что Иоанн вышел из самых низов, он побаивается знатных, но его это злит, поэтому он себя подзуживает, что надо ему громко и смело их обличать — путем смелого произнесения молитв о царской фамилии в их присутствии...

Вообще же у Иоанна есть четкое разделение всех людей на клир и мир. Клир — точнее, себя — он считает выше любого другого мирянина, хоть знатного,

хоть богатого, хоть кого. Он постоянно себя накручивает: я — священник! Я — пастырь! А они все — овцы! И я их пасу! Я — «херувим», охраняющий святые тайны от нечестивых!

Именно такой его подход породил впоследствии всех этих «старчиков», которые начинали (и продолжают) «кронштадтить», используя его стиль: громкое обличение грешников, угрозы карами Божьими, крик, истеричная молитва, неукротимое внешнее поведение на публику — «аки пророк», заикленность на подробной исповеди до оцепенения комара и микроба, указания на то, что миряне перед священником — никто.

Образование

Дневники недвусмысленно говорят о том, что отец Иоанн был самый банальный, самый натуральный мракобес. Перед своей маминькой из далекого архангельского села он, конечно, считает себя ученым, образованным (Академию ведь окончил), но он понимает, что его «ученость» ничтожна перед светской. И он ополчается против светской образованности, причем ополчается тотально. Для него все ученые, образованные являются атеистами, либералами, изуверами, развратниками, бунтовщиками против царя, разрушителями империи и полны всех прочих недостатков. Будь его воля, он полностью бы отменил всякое образование, кроме духовного, которое включает лишь Закон Божий, литургику, послушание царю и попАм и порку учеников по поАм.

Повторю: Иоанн — мракобес в крайней степени. Он не читает ничего нового, не желает знать ничего, не желает учиться. Он и в духовной сфере образован очень слабо, видно по его дневникам, что его уровень — по-прежнему уровень сельского дьячка, который вознесся высоко, вызубрив греческий и катехизис. Он искренне считает, что если ему дадут протоиерея, то это будет для него законным поводом оставить преподавание в гимназии и заняться составлением «ученых трудов» по описанию «всех» праздников, служб, ветхозаветной истории и т.п. Будто протоиерейство даст ему разума или знаний.

Зато, судя по цитатам в дневниках, иногда Иоанн с увлечением слушал байки или читал желтую прессу про какие-нибудь горячие штучки, типа как офицер зарубил свою любовницу, которая целовалась с кучером, или как кто-то на спор упился водкой и «издох в поле». Это его волновало, приводило к глубокомысленным духовным выводам.

Отношение к другим христианским конфессиям у него было тоже максимально мракобесное: хоть католики, хоть лютеране, хоть англикане — для него равны язычникам. Мало того, ему гораздо ближе магометане, потому что, в отличие от лютеран, они постятся... Так что и тут мы видим его как родоначальника современных настроений некоторой части духовенства РПЦ, которые готовы скорее брататься с мусульманами, чем с братьями-христианами.

Истерия

Иоанн осознает запредельную степень вспыльчивости своего характера. Но причину этого он видит в «золотушности» и неправильном питании.

Из-за своей истеричности он был способен поссориться с женой по мельчайшим пустякам, уйти в злобе из дома, бродить, чтобы успокоиться.

Он мог начать вопить на кого-то, топтать ногами.

Он мог швырнуть в надоедавших нищих «епитрахилью, в которую был завернут требник».

Но самое отвратительное: он мог — и регулярно так поступал — отскатать за волосы нищего, служанку, но чаще всего — детей, нищих детей. То и дело (с сокрушением, разумеется) он пишет, как не просто отодрал за волосы (по-бабьи), но так дернул, что ребенок упал на землю, или что ударил девочку по лицу...

Да, можно в оправдание вспомнить жестокое бурсацкое воспитание, через которое, без сомнения, прошел сам Иоанн, можно вспомнить само отношение тогдашнее к воспитанию детей, когда розги считались в порядке вещей. Но девочки, биемые по лицу святым праведным, лично для меня — перебор. Простите.

Заключение

Можно еще многие моменты из биографии того периода упомянуть, но хватит, подведем итог.

Возможно, удивлю кого-то, но скажу: все описанное выше никак не опровергает святости Иоанна Ильича Сергиева. Никак не опровергает его подвигов, чудес, исцелений, добрых дел и прочего. Потому что Бог куда как выше человеческих предрассудков, мракобесия, истерии, ошибок, грехов и страстей — Он видит человека всего сразу, в прошлом, настоящем и будущем, поэтому все человеческие качества Иоанна могли быть для Бога

лишь временными и незначительными вспышками на душе подвижника, которая для Бога была видна как на ладони.

Но мои заметки не о святости Иоанна Кронштадтского. Они о человеческом образе священника Иоанна Сергиева, примерно моего ровесника, об образе, который сложился у меня в голове под влиянием чтения его дневников. Образе, честно признаю, малопривлекательном.

Официально считается, что чин праведных включает в себя святых людей, живших в браке, чтобы отделить их от преподобных, монахов. Но в конкретном случае с отцом Иоанном упоминание о святости в браке звучит анекдотично. В реальности же из-за употребления термина праведный выходит, что в нашем сознании создается устойчивый образ уникального святого, который известен именно своей праведной жизнью. Не столько отдельными чудесами, исцелениями или мудрым духовничеством, сколько именно такой жизнью, которая всем ребятам пример.

Я думаю (наверняка ошибочно, у меня ведь нет правильного духовномера), что у нас бы не было этих 19-ти томов духовных откровений, у нас не было бы великого подвижника и борца с бесами и страстями, у нас не было бы такого горячего проповедника и обличителя, да может быть, и не было бы вообще святого праведного Иоанна Кронштадтского, если бы батюшка Иоанн Ильич Сергиев смиренно занимался регулярным сексом со своей женой, а не выдумывал себе «подвигов» и борьбы. Почему-то уверен — это решило бы множество проблем — и со здоровьем, и с духовностью.

P.S. И еще раз: прошу прощения, если кого обидел, разбил чьи-то розовые очки, «ниспроверг» чье-то почитание, согрешил против святого, Бога или комиссии по канонизации. Каюсь, каюсь, шакал я паршивый.

Наверно, это потому, что я с утра кофе со сливками выпил, съел бутерброд из черного хлеба с намазкой из креветок в соусе (со скидкой брали — какие там креветки, окститесь), заел все это овсяной кашей, положив туда ложку варенья (состав которого не смог разобрать, каюсь, но было вкусно), и доел кусочек творожной запеканки. Видимо, тут меня бес и скрутил, судя по тому, как шея болит. Не ешь по утрам запеканку, испеченную еще вчера вечером, до 18-ти часов. Нехорошо. Опыт.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИСКУССИИ О ДНЕВНИКАХ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Егор Владимиров

Выходящие частями публикации выдержек из дневников кронштадтского священника Ивана Сергиева стали одними из самых комментируемых и обсуждаемых материалов портала. Можно ли сказать, что это – первые материалы на ресурсе, которые разрушают сложившийся образ того или иного человека, который в церковной традиции признан святым? Нет, на моей памяти были опубликованы довольно острые и дискуссионные материалы и о древних святых, и о древней церковной истории. Можно ли сказать, что на портале впервые обсуждается условно «современный» святой, и объяснить этим такой интерес и накал страстей вокруг публикаций? Тоже нет, в архиве ресурса найдутся и комплиментарные рецензии на последний фильм Алексея Учителя, и материалы о последнем российском императоре, выполненные отнюдь не в агиографических тонах. Почему же тогда публикация выдержек из дневников человека, который был канонизирован при жизни многих из нас, сравнительно недавнего святого, вызывает такие жаркие споры и такие жесткие обсуждения?

Как мне кажется, проблема состоит в том, что образ жизни кронштадтского протоиерея на протяжении нескольких десятилетий старательно пропагандировался в церковной ограде как «образец семейной жизни». В этом нетрудно убедиться – достаточно ввести в поисковую строку фразу «Иоанн Кронштадтский образец семейной жизни» и далее посмотреть на сотни ссылок на проповеди самых разных священнослужителей. И надо отметить, что здесь мы имеем дело с уникальным случаем – образ жизни христианского святого обычно не пропагандируется как рекомендуемый для всех без исключения.

В истории христианства было много святых, но они воспринимаются обычным человеком как некое отклонение от нормы – при этом на их почитание и восхищение их подвигом такое отношение никак не влияет. Единственная категория святых, следование образу жизни которых (да и то на финальном этапе их земного бытия) поощряется – это мученики. Но никто и никогда не призывал следовать образу жизни, например, мученика Вонифатия, а не его твердости в исповедании веры.

Похожая картина наблюдается и в восприятии других святых. Множество людей в Северной столице и за ее пределами почитают блаженную Ксению, но при этом никто не говорит о том, что все молодые вдовы без исключения должны поступить так же, как она. Всеобщее почитание Алексия, человека Божия, не привело к тому, что всем молодым людям внушалось поступить после бракосочетания так же, как он. Жизнь и подвиги преподобного Сергия Радонежского или преподобного Серафима Саровского знакомы в России

миллионам – но при этом есть четкое понимание того, что такой выбор не может и не должен быть обязательным.

И только из образа жизни Иоанна Кронштадтского в русской церкви сделали некий набор инструкций для всех; некий «путеводитель в Царство Небесное». Его образ частной жизни ни нормальным, ни социально одобряемым нельзя было назвать ни тогда, ни сейчас – но именно он активно пропагандируется.

И вот в этой пропаганде, как мне видится, и лежат истоки такого яростного неприятия даже попытки разговора об этом человеке. На протяжении многих лет тысячи людей старательно ломали себя, убеждали себя в том, что образ жизни прот. Сергиева, несмотря на всю его необычность – это то, к чему следует стремиться. Познакомившись с этим образом жизни через чтение выдержек из дневников поближе, они пришли в ужас – не потому, что в дневниках написано что-то страшное, а потому, что вместо «проводника в Царство Небесное» они увидели обычного городского невротика, такого же, как и они сами. И если экстравагантности в пересказе отечественных проповедников или современной агиографии еще как-то можно было подражать, то быть похожим на персонажа из грустных комедий Вуди Аллена не хочется никому.

Можно ли на основании анализа дневников Иоанна Кронштадтского сделать однозначный вывод о том, что он святым не являлся и его надо деканонизировать? Да нет, святость человека определяется не в этом мире, а в ином, так что пусть там и решают, не наше это дело.

Можно ли использовать образ жизни этого человека в качестве образца для построения своей частной жизни? Я бы не рекомендовал этого делать; мне кажется, что такое целенаправленное повторение чужого невроза ничем хорошим для психики не закончится.

И если этот «путеводитель в Царство Небесное» оказался не совсем годным, то чем тогда руководствоваться? Мне кажется, что те, кто исповедует христианское учение, должны руководствоваться прежде всего словами Христа – а Он достаточно четко описал, что необходимо делать для оправдания на Страшном суде. Наверное, стоит доверять этому описанию, а не благочестивым мифам и легендам.

А в описании жизни любого человека, вне зависимости от его святости, стоит видеть не идола, которого легко разбить неловким движением руки, а такого же человека, как ты сам – иногда трогательного, иногда нелепого, иногда

жалкого, иногда смешного, иногда умного, иногда совсем тупого; разного. Такой подход, насколько я могу судить по себе, довольно сильно помогает в жизни – он учит быть сострадательным и понимать других, какими бы неприятными они ни были. Быть может, он не позволит стать святым, но он поможет остаться человеком в этом мире.